Z 60/60
64

Z 60/60

Cab. 5715.

Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ

и обстановки жизни народной

издаваемые по высочайшему соизволенію

А. Прохоровымъ.

4.

Библіотека Московской Духовной Академіи

АФПЕ

Лит А Прохорова.

Z 60/60

III 182

Съ 28-ю таблицами (А, Б, I—XXVI).

19 60/60 (28вм) 975.
Сав. 5715.

МАТЕРІАЛЫ

ПО

ИСТОРІИ

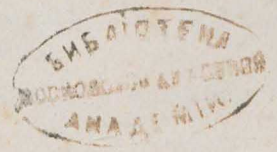
РУССКИХЪ ОДЕЖДЪ

И ОБСТАНОВКИ ЖИЗНИ НАРОДНОЙ,

ИЗДАВАЕМЫЕ ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ СОИЗВОЛЕНІЮ

А. Прохоровымъ.

4.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1885.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ 3 Октября 1886 года.

ф 38194-39

2007335736

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	200 г.
		164			24		4	20/17

Библіотека Московской Духовной Академіи.

ИЗРАЗЦЫ

въ

ДРЕВНЕ-РУССКОМЪ ИСКУССТВѢ *).

I.

Вопросъ о томъ, когда впервые въ древнерусскомъ зодчествѣ распространились ценинныя украшенія или изразцы, надо пока считать не вполнѣ рѣшеннымъ.

Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что это дѣло развилось уже въ кіевскій періодъ и было занесено къ намъ изъ

*) **ИСТОЧНИКИ:**

1) И. Сахаровъ. «Обозрѣніе русской археологіи», глава III «Ценинныя произведенія». — Записки Отдѣленія русской и славянской археологіи И. А. О-ва., томъ II. Спб. 1851 г.

2) Н. Артлебенъ. «Кафельная печь въ архіерейскомъ домѣ въ Суздалѣ» (Извѣстія И. А. О-ва, томъ IV).

3) И. Забѣлинъ. «Историческое обозрѣніе финифтянаго и ценинного дѣла въ Россіи». (Записки И. А. О-ва, томъ VI).

4) Архимандритъ Леонидъ. «Историческое описаніе ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго монастыря». Москва, 1876 года.

5) Онъ-же. «Ценинное дѣло въ Воскресенскомъ, Новый Іерусалимъ именуемомъ монастырѣ съ 1656 — 1759 годъ» (Вѣстникъ О-ва Древне-русскаго искусства, 1876 г).

6) Ѳ. Рихтеръ. «Памятники древняго русскаго зодчества», съ текстомъ И. Забѣлина и Д. Дубенскаго. — Москва 1851 года.

7) Б. Веселовскій. «Изразцовыя печи въ домѣ г-жи Шумиловой въ г. Гороховцѣ, Владимірской губерніи» (Зодчій 1880 года, № 7).

Византіи. Особенно горячимъ сторонникомъ этого взгляда является И. Сахаровъ: „разрытіе остатковъ кіевскихъ древнихъ „церквей, говоритъ онъ, Десятинной и Ирининской ознакомило „насъ съ Византійской цениною. Въ первой найдены были: „муравленыя небольшія плиты на подобіе кафеля, „составлявшаго полъ въ боковыхъ притворахъ „жертвенника и діаконника; во второй открытъ былъ: „полъ поливной горшечной работы, составленный „изъ четвероугольныхъ плиточекъ. Десятинная цер„ковь, начатая въ 980 году и оконченная въ 996 году, была „строена византійскими художниками. Ценинный полъ, откры„тый въ развалинахъ этой церкви въ 1824 году, долженъ „принадлежать къ первымъ произведеніямъ этого искусства въ „Россіи. Ирининскій монастырь, основанный Великимъ княземъ „Ярославомъ около 1040 года предъявилъ одинаковыя плиты

---

8) Л. Даль. «Ростовскіе изразцы», — корреспонденція. (Вѣстникъ О-ва Древне-русскаго Искусства 1875 г. Смѣсь, стр. 49)

9) А. Титовъ. «Ростовскій уѣздъ Ярославской губерніи». — Москва, 1885 года.

10) Архимандритъ Амфилохій. «Ростовскія древности». — (Вѣстникъ О-ва Древне-русскаго Искусства 1874, смѣсь, стр. 3.

11) «Возобновленіе Крутицкаго терема въ Москвѣ». (Вѣстникъ О-ва Древне-русскаго Искусства, 1874 года.

12) Н. Шохинъ: «Сборникъ очерковъ и детальныхъ рисунковъ русскихъ старинныхъ построекъ». — Москва 1872.

13) И. З. «Матерьялы для археологическаго словаря». «Древности» (труды московскаго археологическаго О-ва). Томъ I. 1865 года.

14) Николай Закревскій. «Описаніе Кіева». Москва, 1868 года.

15) Архимандритъ Макарій: «Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ». Москва, 1860.

16) И. Фундуклей: «Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ». Кіевъ 1847 г.

17) И. Хрущовъ: «Бѣлгородка и найденный въ ней змѣевикъ». (Извѣстія И. Р. А. О-ва, Томъ IX, выпускъ I).

„ценинного пола съ Десятиннымъ. Безъ всякаго сомнѣнія, „ценинный полъ этихъ церквей Греки не могли при„вести изъ Константинополя, но дѣлали его въ „Кіевѣ. Отъ нихъ могли научиться Русскіе обрабо„тывать ценинныя произведенія въ XI вѣкѣ, какъ „они выучились тогда-же отъ грековъ иконопис„ному дѣлу".*)

Гораздо осторожнѣе и неопредѣленнѣе высказывается объ этомъ вопросѣ И. Е. Забѣлинъ:

„Муравленіе или глазурованіе глиняныхъ издѣлій безъ со„мнѣнія, гораздо древнѣе финифтянаго дѣла. Къ намъ оно пере„шло съ востока, можетъ быть изъ Византіи, а въ послѣдствіи „и отъ Татаръ, у которыхъ, какъ можно судить по недавно „открытымъ на мѣстѣ Золотой Орды, глазурованныя произве„денія были въ большомъ употребленіи. Впрочемъ положи„тельныхъ свидѣтельствъ мы объ этомъ не имѣемъ „и только нѣкоторые памятники, открытые въ древнѣйшихъ „кіевскихъ храмахъ, напр. половыя плитки, представляютъ „единственное достовѣрное указаніе, что глазурованныя глиня„ныя издѣлія были въ употребленіи у насъ еще въ X вѣкѣ" **)

Этотъ послѣдній, крайне осторожный взглядъ, вѣроятно, гораздо ближе къ истинѣ, нежели взглядъ Сахарова, имѣющій конечно скорѣе патріотическую, чѣмъ строго научную подкладку.

И въ самомъ дѣлѣ если-бы изразцы выдѣлывались у насъ уже въ XI в. и при томъ не только греческими, но даже и рус-

*) См. Зап. От. Р. и С. Арх. И. А. О-ва, т. I.

**) См. его «Ист. обозр. фин. и цен. дѣла въ Россіи».

скими мастерами, то они безъ всякаго сомнѣнія получили-бы широкое примѣненіе какъ въ Кіевскомъ, Новгородскомъ, такъ и вообще во всемъ нашемъ до—татарскомъ зодчествѣ. Но на самомъ дѣлѣ мы этого не видимъ. И. Е. Забѣлинъ, писавшій о „ценинномъ дѣлѣ“ въ 1853 году, считалъ половыя плитки Десятинной и Ирининской церкви „единственнымъ достовѣрнымъ указаніемъ“ на то, что глазурованныя издѣлія „были въ употребленіи у насъ еще въ X вѣкѣ“. Съ тѣхъ поръ прошло тридцать слишкомъ лѣтъ, наша археологія далеко шагнула впередъ, посвѣтила не мало изслѣдованій кіевскимъ памятникамъ а пресловутыя плитки остаются по прежнему „единственнымъ“ достовѣрнымъ указаніемъ.

Что касается до тѣхъ сильно выпуклыхъ изразцовыхъ розетокъ, которыя украшаютъ въ настоящее время фризы главъ нѣкоторыхъ кіевскихъ церквей и между прочимъ церкви Кіево-Печерской Лавры, то одного взгляда на нихъ достаточно, чтобы убѣдиться, что онѣ болѣе поздняго происхожденія и ничего общаго съ византійскимъ періодомъ не имѣютъ. Затѣмъ поливные изразцы, которые вмѣстѣ съ знаменитымъ кіевскимъ кладомъ были вырыты на землѣ г-на Есикорскаго *), и затѣмъ были выставлены А. В. Праховымъ въ И. Р. А. О-вѣ, въ засѣданіи 16-го Ноября 1885 года, также не византійскаго, а позднѣйшаго происхожденія..... И наконецъ при нашемъ личномъ изученіи кіевскихъ памятниковъ и при осмотрѣ чердаковъ тѣхъ кіевскихъ церквей, на которыхъ, какъ напр. на чердакѣ Св. Софіи, сохранились почти всей ихъ неприкосновен-

*) Близь Софіи, Св. въ Кіевѣ.

ности древнѣйшія византійскія части, мы не замѣтили ни малѣйшихъ признаковъ, не только изразцовъ, но даже слѣдовъ какой-либо подготовки стѣнъ для ихъ принятія, напр. гнѣздъ, впадинъ и пр.

Могло-ли это быть такъ, если-бы въ Кіевѣ еще въ XI в. завелось изразцовое производство, какъ это предполагаетъ Сахаровъ? Конечно нѣтъ и по тому вѣрнѣе предположить, что изразцы въ нашемъ кіевскомъ искусствѣ примѣнялись рѣдко и привозились издалека.*)

Перейдемъ теперь къ Новгороду.

Въ зодчествѣ новгородской области встрѣчаются церкви, украшенныя изразцами, но всѣ онѣ позднѣйшія, XVII в. и относятся ко временамъ московскаго владычества, слѣдовательно къ данному случаю отношенія не имѣютъ. Затѣмъ въ алтарѣ Св. Софіи Новгородской, надъ горнимъ мѣстомъ, уцѣлѣло древнее стѣнное убранство чисто византійскаго стиля. Сахаровъ указываетъ на это убранство, какъ на одно изъ доказательствъ распространенія у насъ ценины въ XI в. „Такъ называемая мозаика Новгородскаго Софійскаго собора, „говоритъ онъ, есть настоящее ценинное украшеніе, состоящее „изъ стѣнной обкладки мѣста, находящагося въ алтарѣ, на „горнемъ мѣстѣ. Ценинное украшеніе тамъ выкладено изъ „плиточекъ квадратныхъ и треугольныхъ, зеленоватаго, ко„фейнаго и желтоватаго цвѣтовъ, похожихъ по виду на стекло, „но на самомъ дѣлѣ облитыхъ поливою. При первомъ взглядѣ „на эти плиточки нѣтъ ничего такого, чтобы обличало въ нихъ

*) «Бѣлгородскіе изразцы» не противорѣчатъ подобному предположенію, такъ какъ краткія указанія Г-на Хрущова (См. Источн. 17-й), а равно приложенныя къ его статьѣ наброски изразцовъ не представляютъ точныхъ данныхъ для отнесенія ихъ къ византійскому періоду.

„мозаику: кладка, форма лещадей и цвѣта прямо указываютъ „на ценину“.

Но это мнѣніе единичное.

Кеппенъ*), И. Е. Забѣлинъ,**) архимандритъ Макарій***) и наконецъ покойный И. И. Горностаевъ признаютъ это убранство „мозаикой“, а не цениной. Архимандритъ Макарій допускаетъ даже, и притомъ вполнѣ справедливо, что эта мозаика можетъ быть признана не современною Новгородскому Софійскому собору (1052 г.), хотя во всякомъ случаѣ относится къ древнѣйшимъ временамъ его и является произведеніемъ византійскихъ художниковъ. — Въ этомъ случаѣ онъ какъ-бы сходится съ И. И. Горностаевымъ, который также полагаетъ, что она находилась прежде гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ.

И въ самомъ дѣлѣ достаточно взглянуть на эту мозаику, чтобы убѣдиться въ томъ, что она переложена: до того небрежно выполнены ея узоры.

Рѣшать вопросъ, по одному только внѣшнему виду этого украшенія, „мозаика“ оно или „ценина“, мы не беремся, потому что для этого надо-бы разломать часть его и взглянуть нижнюю сторону и внутренній составъ. Съ своей-же стороны мы полагаемъ, что если даже Сахаровъ и правъ, все же это доказательство весьма сомнительнаго свойства: это опять таки „единственный“ образчикъ ценины во всемъ новгородскомъ зодчествѣ древняго періода и въ добавокъ не принадлежащій

*) Списокъ русскимъ памятникамъ Кеппена. М. 1822 г. № 7—12.

**) З. И. А. О-ва, Т. VI, стр. 287.

***) См. у арх. Макарія. часть I, стр. 43.

перваначальной Св. Софіи, а перенесенный въ нее потомъ, хотя и несомнѣнно византійскій.

Объ суздальскомъ періодѣ нашего зодчества мы и не говоримъ. Его храмы, сверху до низу усѣянные обронными каменными украшеніями, не могли имѣть изразцовъ, по той простой причинѣ, что для нихъ даже и мѣста нѣтъ на фасадахъ: до того они заполнены всякими изображеніями.

Все это вмѣстѣ взятое несомнѣнно показываетъ, что въ нашемъ зодчествѣ до татарскаго періода поливныя издѣлія употреблялись въ дѣло въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ.

Но если изразцы были мало извѣстны въ до татарской Руси, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что русскіе хорошо съ ними впервые познакомились во время татарскаго господства и своихъ непосредственныхъ сношеній съ Ордою, въ домашнемъ быту которой изразцы и поливныя издѣлія были въ большомъ употребленіи. Въ русской литературѣ извѣстія объ этомъ, чуть-ли не впервыя, являются у Палласа*). Описывая развалины „Селитряннаго городка", который въ его время еще довольно хорошо сохранились, онъ говоритъ: „на всѣхъ еще понынѣ оставшихся стѣнахъ, кои изъ прекрасныхъ кирпичныхъ плитъ весьма правильно построены, видны великолѣпіе и красота, какихъ я еще нигдѣ при татарскихъ развалинахъ не видывалъ. Внѣшняя сторона стѣнъ, не только по нѣкоторымъ пространствамъ, во всѣхъ уступахъ съ муравленными украшеніями изъ глины: зеленаго, желтаго,

*) См. Петра Симона Палласа: «Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства». Перевелъ Василій Зуевъ. Спб. 1782 г.

бѣлаго и синяго цвѣта, треугольниками и другими фигурами украшена, но также въ главнѣйшемъ фасадѣ сего строенія, примѣтны остатки готической щекатуры, которыя такими же муравленными фигурами, представляющими цвѣты улитковаго изображенія, даже цѣлыми израсцами, на подобіе мозаики, усажена была*)".

Затѣмъ весьма много данныхъ представили въ этомъ отношеніи раскопки, произведенныя въ 1843—1849 гг. на средства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ А. В. Терещенкомъ въ развалинахъ Сарая, описаніе которыхъ было въ свое время неоднократно напечатано**). Мы не станемъ подробно касатся этихъ работъ, а укажемъ только тѣ находки, которыя для насъ наиболѣе важны, какъ напр. остатки комнатъ „обложенныхъ цвѣтнымъ изразцомъ и мозаикою", съ поломъ „изъ голубого изразца"; печи, „выложенныя голубымъ изразцомъ"; тарелки „поливняныя" (поливныя); изразцы „цвѣтные", „мозаиковые", „ со слѣдами надписей и позолоты"; кувшины разнаго цвѣта: „одинъ шоколадный, другой узорчатый бѣло-голубой, третій круглый съ надписью вокругъ изъ голубой лазури";—кувшинъ съ золотомъ и узорами, наведенными по „синему полю" со внутренностью облитой „стеклообразною голубою эмалью";—

*) Палласъ, часть III, половина 2-ая, стр. 143—145.

**) См. 1) «Четырехлѣтіе, археологическіе поиски въ развалинахъ Сарая». — Жур. Мин. Внут. Дѣлъ, кн. 9, 1847 г. 2) Тоже. Зап. Спб. Археолого-Нумизматическаго Общ., т. II, 1850. и 3) Сѣверная Пчела — 1848—49 и 50 гг.

Часть этихъ находокъ хранится въ настоящее время въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ С.-Петербургѣ.

фаянсовые обломки покрыты „синеватою лазурью съ ярко-синими“ цвѣтами; наконецъ изразцы разныхъ цвѣтовъ: „желтаго, краснаго, синяго и голубого“. — Эти послѣдніе цвѣта встрѣчаются по свидѣтельству г-на Терещенка „чаще всего“. На основаніи этихъ данныхъ мы можемъ сдѣлать только два несомнѣнныхъ вывода: первый — что у татаръ было сильно развито изразчатое производство; и второй — что русскіе должны были хорошо ознакомиться съ изразцами въ Ордѣ. Но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы русскіе тотчасъ стали ихъ примѣнять и выдѣлывать у себя,—какъ это думаетъ тотъ-же Сахаровъ.

Самое большее, что мы можемъ допустить, это то, что у русскихъ была въ употребленіи ордынская поливная посуда, которая наравнѣ съ другими восточными товарами напр. съ тканями, оружіемъ и пр. могла привозиться въ Россіи „бесерменскими“ или восточными купцами. А потому всѣ дальнѣйшіе выводы относятся къ области предположеній, въ чемъ и убѣждаютъ насъ памятники нашего зодчества съ XIV по XVI вѣкъ. И въ самомъ дѣлѣ въ чемъ русскіе могли примѣнить у себя изразцы? Очевидно въ домахъ, печахъ и церквахъ. Но въ деревянныхъ домахъ нельзя употреблять изразцовъ, ни внутри, ни снаружи; а что дома были въ ту эпоху исключительно деревянные объ этомъ и говорить нечего. Что-же касается до печей, то хотя Сахаровъ и утверждаетъ, что „наши кафельныя печи явно указываютъ на татарское происхожденіе“, тѣмъ не менѣе всѣ дошедшіе до нашего времени печи никакихъ слѣдовъ татарскаго вліянія не представляютъ, а слѣдовательно онѣ въ счетъ итти не могутъ.

Остаются церкви.

Посмотримъ что онѣ намъ даютъ въ этомъ отношеніи.

Въ XIII вѣкѣ, послѣ татарскаго погрома, когда вся Россія представляла собою сплошное, залитое кровью пожарище построеніе каменныхъ церквей, кромѣ Новгорода, было величайшею рѣдкостью. Впрочемъ, какъ на исключеніе, мы можемъ указать на постройку въ Твери ц. Спаса въ 1285 году.

Первые каменные храмы въ Москвѣ начинаютъ появляться только при Іоаннѣ Калитѣ, а именно соборы: Успенскій — 1326 г., Спасъ на Бору — 1328 г. и Архангельскій 1333 г. Къ сожалѣнію эти памятники первой эпохи московскаго каменнаго зодчества, за исключеніемъ Спаса на Бору, въ конецъ изуродованнаго разными передѣлками и пристройками, до насъ не дошли. Но за то мы имѣемъ другіе довольно ранніе памятники нашего каменнаго зодчества, конца XIV и начала XV вѣка, а именно Звенигородскій Успенскій соборъ (около 1390 г.), Рождественскій соборъ Саввино-Сторожевскаго Монастыря*) (между 1398 и 1407 гг.), соборъ въ с. Микулинѣ-Городищѣ, Тверской губ., 1398 г., Троицкій соборъ въ Троицкой Лаврѣ 1423 г. и др. Что-же мы видимъ на этихъ памятникахъ? — Мы видимъ очень богатую обронную орнаментику, въ видѣ поясовъ по срединѣ фасада или по карнизу алтарныхъ абсидъ**) и ни малѣйшихъ слѣдовъ изразцовъ. Тоже можно сказать и о болѣе позднихъ московскихъ памятникахъ, напр. о соборахъ Успенскомъ (1479 г.), Архангельскомъ (1509 г.) и о Вознесенской церкви, въ селѣ Коломенскомъ подъ Москвою (1532): на нихъ также нѣтъ изразцовъ.

*) Московск. губ, Звенигородск. уѣзда.

**) Это, впрочемъ, къ Микулинскому собору не относится, такъ какъ въ настоящее время онъ имѣетъ совершенно гладкіе фасады.

Неужели-же Великіе Князья-строители, которые не щадили никакихъ средствъ на благолѣпіе своихъ храмовъ, которые выписывали для нихъ зодчихъ изъ отдаленной Италіи и украшали ихъ „зѣло святыми иконами и великою добротою", неужели-же эти Князья-строители поскупились-бы на такое блестящее украшеніе какъ изразцы. А между тѣмъ ихъ нѣтъ, и слѣдовательно это показываетъ, что даже въ началѣ XVI в. изразцы, если только они были, занимали весьма ничтожное мѣсто въ нашемъ зодчествѣ. Это предположеніе подтверждается еще слѣдующими данными: тѣ немногіе обломки изразцовъ, которые по своей орнаментикѣ могутъ быть отнесены къ XVI вѣку, и которые въ настоящее время хранятся въ Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ, поливы не имѣютъ.*)

Вообще надо полагать, что даже эти простыя, неполивныя гончарныя издѣлія (терракота) появились въ московскомъ зодчествѣ не раньше конца XV вѣка, какъ мы это можемъ напр. заключать по терракотовому балясинку церкви Печерской Божіей Матери (1486) въ кремлѣ московскомъ, или терракотовому поясу церкви Рождества-Богородицы въ Старомъ Симоновѣ, около Москвы, освященной въ 1509 году.

Пойдемъ далѣе и возьмемъ самый замѣчательный памятникъ второй половины XVI в. Василій Блаженный (1555 г.) — на немъ тоже нѣтъ изразцовъ.

Правда, извѣстно, что на немъ была надпись, выложенная

*) Восемь обломковъ, вырытыхъ въ московскомъ кремлѣ и одинъ цѣлый изразецъ, выкопанный Графомъ А. С. Уваровымъ во Владимірѣ, на мѣстѣ, гдѣ по предположенію, находилоя велико-княжескій дворецъ. Два обломка опубликованы у Шохина. См. «детали» № 5.

изъ изразцовъ, и гласившая о построеніи собора**), но за то неизвѣстно, когда эта надпись была сдѣлана: въ XVI, или въ XVII вѣкѣ.

За XVII вѣкъ говорятъ слѣдующія обстоятельства:

Во первыхъ, если бы эта надпись была современна постройкѣ собора, то несомнѣнно, что строители изукрасили-бы соборъ изразцами и во многихъ другихъ мѣстахъ и притомъ не одними надписными, но и узорными; между тѣмъ таковыхъ нѣтъ и слѣдовъ;

Во вторыхъ, подобныя надписи были въ употребленіи въ XVII вѣкѣ, какъ мы это видимъ напр. на московской церкви Адріана и Наталіи.

И въ третьихъ, — на старомъ соборѣ въ г. Старицѣ, Тверской губ., была изразчатая надпись, которая въ настоящее время, послѣ сломки собора, вдѣлана въ стѣну новаго собора. И надпись эта, которая гласитъ, что соборъ былъ начатъ въ 1558 году и оконченъ въ 1561, и слѣдовательно по содержанію своему относится къ XVI в., „по языку и по право писанію признается сдѣланною въ концѣ XVII в.*)".

Все это вмѣстѣ взятое несомнѣнно убѣждаетъ насъ, что изразцы не имѣли почти никакого распространенія въ нашемъ зодчествѣ даже въ XVI вѣкѣ и что царство изразцовъ наступаетъ у насъ лишь въ XVII в. и въ особенности въ его второй половинѣ.

---

*) См. Л. Даля: «Борисоглѣбскій Соборъ въ г. Старицѣ». (Зодчій 1878 г., Мартъ).

**) Одинъ изъ этихъ изразцовъ хранится въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ.

II.

И такъ въ XVII в. изразчатое дѣло получило въ Россіи широкое развитіе. Центромъ его была Москва и ея область. Оттуда оно уже пошло по другимъ мѣстамъ: и дѣйствительно мы видимъ изразцы на постройкахъ XVII вѣка, во всѣхъ главнѣйшихъ русскихъ городахъ того времени, начиная съ Суздаля и кончая Ростовымъ. Но особенно изразцами богаты — Москва, Новый Іерусалимъ (Воскресенскій монастырь) и Ярославль. Мы начнемъ обзоръ изразцоваго дѣла въ этихъ мѣстахъ съ Новаго Іерусалима, такъ какъ въ 1666 году всѣ его ценинные мастера были взяты по царскому указу въ Москву и немало повліяли тамъ на развитіе изразцоваго производства; вслѣдствіе чего московское мастерство, по крайней мѣрѣ во второй половинѣ XVII в., многимъ обязано ново-іерусалимскому.

Изразцовое производство началось собственно не въ Новомъ Іерусалимѣ, а въ Иверскомъ Валдайскомъ монастырѣ, основанномъ патріархомъ Никономъ въ 1653 году. Оно было заведено тамъ „иноземцами", выходцами изъ тогдашняго Польскаго королевства, а именно изъ Бѣлоруссіи, — земляками старцевъ общежительнаго Кутеинскаго монастыря, Православное братство котораго, желая избавиться отъ уніатскихъ притѣсненій, перешло въ 1654 году, почти цѣликомъ, по приглашенію Никона во вновь созданный имъ Иверскій Святоозерскій монастырь.

По этому поводу мы считаемъ нужнымъ сдѣлать одно сопоставленіе.

Извѣстный нашъ путешественникъ XVIII в. В. Барскій, повѣс-

твуя о посѣщенныхъ имъ Аѳонскихъ монастыряхъ, упоминаетъ объ изразцахъ, именно при описаніи Аѳонскаго Иверскаго монастыря: "вся церковь, говоритъ онъ, окрестъ отъ низу, яко на полтары сажени, мраморными бѣлыми досками устлана, вверху же ихъ нѣкіими взорными поливянными таблицами, въ стѣну вмурованными лѣпозрачно, якоже и въ Лаврѣ, осаждена*)".

Затѣмъ у насъ, въ Россіи, изразцовое дѣло появляется тоже въ Иверскомъ монастырѣ, и уже потомъ переносится въ Новый Іерусалимъ.

Случайное-ли это совпаденіе или тутъ есть извѣстная историческая преемственность и патріархъ Никонъ, основывая свой Иверскій монастырь, имѣлъ подробныя свѣдѣнія объ Иверскомъ Аѳонскомъ монастырѣ, — мы этого вопроса рѣшать не беремся, но во всякомъ случаѣ полагаемъ нужнымъ указать на это любопытное совпаденіе.

Какъ видно изъ уцѣлѣвшихъ актовъ изразцовое дѣло началось въ Валдайскомъ Иверскомъ монастырѣ, довольно рано и ограничивалось преимущественно изготовленіемъ печныхъ изразцовъ; впрочемъ есть основаніе полагать, что въ немъ были сдѣланы попытки примѣнить изразцы къ наружному украшенію стѣнъ, какъ можно заключить по одному церковному окошку, убранному изразцами.

Иверское изразцовое производство должно было принять довольно большіе размѣры, судя потому что изразцы шли въ монастырѣ не только на свое домашнее употребленіе, но также

*) См. Путешествія Барскаго. Изд. 6-е. С.-Пб. 1819 г., т. II, ст. 176.

разсылались въ подарокъ разнымъ свѣтскимъ и духовнымъ властямъ въ Москву, Псковъ и Новгородъ и пускались даже въ продажу.

О. Намѣстникъ Леонидъ, въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи приводитъ весьма любопытный историческій документъ, подтверждающій это обстоятельство, а именно отписку властей Иверскаго монастыря, игумена Діонисія съ братіею, на грамоту патріарха Никона, отъ 1656 года, Сентября 28-го дня.

Вотъ выдержка изъ этой отписки: — „въ нынѣшнемъ во 165 году Сентября во 28 день, прислана къ намъ отъ тебя великаго государя твоя государева грамота съ твоимъ государевымъ сыномъ боярскимъ съ Василіемъ Салмановымъ; и велѣно намъ по той твоей государевой грамотѣ прислать къ тебѣ великому государю на твой государевъ станъ во Тверь образцовъ добрыхъ: двѣ печи образцовъ муравленныхъ, да къ тѣмъ печамъ кирпичу столько, сколько къ тѣмъ печамъ къ отдѣлки того кирпичу надобе; да съ тѣми жъ образцами и кирпичемъ велѣно прислать къ тебѣ великому государю печника человѣка добра и знающаго. И мы по твоему государеву указу и по грамотѣ отпустили къ тебѣ в. г., съ твоимъ государевымъ сыномъ боярскимъ съ Васильемъ Салмановымъ, двѣ печи муравленныхъ съ розными красками а числомъ въ тѣхъ печахъ 410 каѳель; да три печи зеленыхъ каѳель, а числомъ въ тѣхъ печахъ 387 каѳель; да ко всѣмъ тѣмъ печамъ послано бѣлыхъ простыхъ 223 каѳели; да кирпичу ко всѣмъ тѣмъ пяти печамъ послано 990 кирпичевъ*)“.

*) См. Вѣст. Древ. Русск. Иск. 1876 г.

Затѣмъ изразцовое производство было перенесено изъ Иверскаго монастыря въ Новый Іерусалимъ, патріархомъ Никономъ, когда онъ приступилъ тамъ въ 1658 году къ постройкѣ соборнаго храма. Впрочемъ и послѣ этого производство печныхъ изразцовъ не замерло въ Иверскомъ монастырѣ и существовало тамъ даже тогда, когда уже Никонъ долженъ былъ покинуть свой излюбленный Новый Іерусалимъ. На это есть также письменныя доказательства, именно изъ росписки 175 года Декабря 2 дня (1666 г.) видно, что по указу строителя Евѳимія „отпущено окольничему Василію Семеновичу Волынскому на печь муравленыхъ 150 каѳель, да бѣлыхъ 56, взялъ человѣкъ ево Илья Козминъ, въ томъ у него и отпись взята". А въ этой отписи муравленые образцы названы пріемщикомъ „покущатыми" (отъ — „покута") *).

Этотъ документъ несомнѣнно указываетъ на продолженіе производства, по крайней мѣрѣ печныхъ изразцовъ.

При перенесеніи изразцоваго дѣла въ Новый Іерусалимъ вмѣстѣ съ тѣмъ были переведены туда-же изъ Иверскаго монастыря и первые мастера. Объ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ личные показанія, данныя въ 1666 г. при переводѣ въ Москву. Напр. мастеръ Игнашка Максимовъ „жилъ на Валдаѣ и въ Воскресенскомъ монастырѣ"; мастеръ Самошка Григорьевъ „взятъ въ Иверской монастырь и жилъ въ Воскресенскомъ монастырѣ" и т. д.

Въ Новомъ Іерусалимѣ, также какъ и въ Иверскомъ монастырѣ, изразцовое дѣло началось съ приготовленія простыхъ и муравленныхъ каѳель для печей.

*) Ibidem.

Памятникомъ этого производства остается печь въ каменномъ скиту патріарха Никона, небольшомъ и довольно прихотливомъ зданіи, представляющемъ соединеніе церкви съ кельею; оно построено имъ довольно рано — лѣтомъ 1658 года, внѣ монастыря, на берегу Истры.

Затѣмъ, когда Никонъ приступилъ къ постройкѣ главнаго монастырскаго собора, во имя Воскресенія Христова, и затѣялъ украсить его изразцами, онъ уже не захотѣлъ довольствоваться прежними мастерами и вызвалъ изъ за Литовской границы мастера Петра Ивановича Заборскаго. Это былъ уже не простой гончаръ, а настоящій художникъ, — по свидѣтельству самого Никона мастеръ „золотыхъ, серебреныхъ и мѣдныхъ, и ценинныхъ дѣлъ и всякихъ рукодѣльныхъ хитростей изрядный ремесленный изыскатель, потрудивыйся здѣ о украшеніи Святыя церкви (Воскресенскаго соборнаго храма) въ ценинныхъ и въ иныхъ дѣлехъ не малое время.....*).“

Художникъ этотъ далъ самое широкое развитіе изразцовому дѣлу въ Новомъ Іерусалимѣ и богато изукрасилъ своими произведеніями главный храмъ его, внутри и снаружи. Подъ его руководствомъ работали и тѣ мастера, которые были переведены сюда изъ Иверскаго монастыря. Протрудившись цѣлыхъ шесть лѣтъ надъ украшеніемъ Воскресенскаго храма Петръ Заборскій скончался 2-го Іюля 1665 года и въ ознаменованіе заслугъ его предъ монастыремъ былъ похороненъ самимъ Никономъ въ предѣлахъ обители, подъ лѣстницей Голгоѳской церкви.

*) См. у о. арх. Леонида, Ист. Оп. Стр. 102.

Мы разсмотримъ послѣ произведенія Заборскаго, а теперь пока укажемъ то мѣсто, которое занимало изразцовое дѣло въ Новомъ Іерусалимѣ. Изъ распредѣленія занятій братіи мы видимъ, что это дѣло имѣло въ монастырскомъ обиходѣ весьма большое значеніе. Такъ напр. въ числѣ старцевъ „большихъ служебъ", завѣдывавшихъ первостепенными хозяйственными сторонами монастырской жизни, которыхъ было всего 9 чел. и въ составъ которыхъ, входили старцы „конюшій", „житейный", „хлѣбодаръ" и пр. числится и старецъ „изразeмный"; затѣмъ этому „изразeмному" старцу полагался еще помощникъ, ибо въ числѣ старцевъ „меньшихъ служебъ", которыхъ было 20 человѣкъ имѣлся старецъ „изразочный второй".

Всѣмъ этимъ старцамъ полагалось „зажилое жалованье".

Въ „книгахъ расходныхъ деньгамъ", по „дачѣ полугодоваго зажилаго властемъ и братіи 7201 (1693) г. съ Сентября по Мартъ" значится:

„Большихъ служебъ".

„Изразeмной монахъ Ананія. Сентября въ 29 день дано за„жилого прошлаго 200 году съ Марта по Сентябрь два рубля".

„Меньшихъ служебъ":

„Въ изразешни старецъ Палладій. Апрѣля въ 3 день зажилого 201 году съ Сентября по Февраль рубль"(*).

Размѣръ этого жалованья свидѣтельствуетъ еще болѣе о той важности, которая придавалась изразцовому дѣлу въ монастыр-

*) См. арх. Леонида, «Ист. описаніе» и пр. стр. 415 и 416.

ской жизни. Изъ всѣхъ старцевъ „большихъ служебъ“ одинъ только „израземный“ получалъ по 4 р. въ годъ, а всѣ прочіе получали 3 р. 20 алт. или 3 р. въ годъ. Подобное „зажилое“ было однимъ изъ самыхъ высшихъ, ибо только іеромонахи получали по 4 р. 25 алт. 4 деньги, да настоятель 12 р. въ годъ; почти всѣ прочіе чины получали меньше; иконописецъ напр. получалъ всего 3 р. въ годъ.

Послѣ ссылки патріарха Никона, въ Декабрѣ 1666 года, въ заточеніе, остановилась постройка Воскресенскаго Собора и всѣ монастырскіе мастера были переведены, какъ мы уже говорили, по царскому указу, въ Москву.

У о. арх. Леонида въ „Добавленіи“ къ „Описанію Нов. Іерусалима“ напечатано извлеченіе изъ подлиннаго дѣла, хранящагося въ Московскомъ Дворцовомъ Архивѣ.

Вотъ оно:

„Лѣта 7175, Декабря въ 20 день (слѣд. въ январскомъ 1666 „году), по Государеву Царя и Великаго Князя Алексѣя Михай„ловича, Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, „Указу Окольничему и Оружейному Богдану Матвѣевичу, да „Думному Ивану Богдановичу Хитрово, да Дьякомъ Семену Ти„тову, да Андрѣю Селину, да Евстрату Фролову въ нынѣшнемъ „въ 175 году Декабря въ 23 день по Указу Великаго Государя „Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и „Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, взяты изъ Воскресен„скаго Монастыря въ Оружейную Палату разныхъ дѣлъ „Мастеровые люди, Русскіе и иноземцы, всего 31 чело„вѣкъ мастеровыхъ людей, изъ какова мастерства, и „тому подъ сею памятью послана роспись. И по Госу-

„дареву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, Вели-„кія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Указу Окольничему „и Оружейному Богдану Матвѣевичу, да Ивану Богдановичу „Хитрово, да Дьякомъ Семену Титову, да Андрею Селину, да „ Евстрату Фролову, учинитъ о томъ по Указу Великаго Госу-„даря".

Далѣе слѣдуетъ роспись мастеровымъ; изъ нихъ мы возьмемъ только тѣхъ, которые относятся къ изразцовому дѣлу.

„Роспись мастеровымъ людемъ:"

.....

.....

„Ценинныхъ дѣлъ мастера: Игнашка Максимовъ.
Стенька Ивановъ.
Самошка Григорьевъ.
Ученики: Оська Ивановъ.
Федька Чюка.
Петрушка Ларіоновъ.
Алешка Левоновъ.
Сенька Трофимовъ.

.....

„Подробное свѣдѣніе".

.....

.....

„Ценинныхъ дѣлъ мастеры".

„1) Игнашка Максимовъ, дѣлаетъ образцы цѣнинные и зеленые и печи кладетъ, родомъ иноземецъ, Копоси города

мѣщанинъ. Нынѣ другонадцатый (12-й) годъ (слѣдовательно въ 1654 г.) взялъ ево изъ Вязьмы бывшій Патріархъ Никонъ, и жилъ на Валдаѣ и въ Воскресенскомъ монастырѣ.

2) Стенька Ивановъ, дѣлаетъ образцы печные и цѣнинные и зеленые, и печи кладетъ, родомъ иноземецъ, Мстиславля города, посацкаго отца сынъ, остался послѣ отца малъ и взялъ ево въ первую службу Бояринъ Князь Алексѣй Никитичь Трубецкой полономъ, и привезъ къ Москвѣ, и жилъ на Москвѣ у сродичей своихъ и въ Воскресенскомъ монастырѣ.

Ученики:

3) Оська Ивановъ: у Стеньки на образцы краски наводитъ, началъ учитца тому нынѣ 5-й годъ (слѣд. въ 1661 г.), родомъ иноземецъ, Шкловскаго уѣзду крестьянинъ, вышелъ къ Москвѣ своею волею, въ первую службу, и жилъ на Москвѣ и въ Воскресенскомъ монастырѣ.

4) Федька Чюка: у Стеньки (Иванова) краски жъ наводитъ; началъ учитца тому нынѣ 7 годъ (слѣд. въ 1659 году), родомъ иноземецъ, Вильны города крестьянской сынъ, пришелъ къ Москвѣ тому нынѣ другонадцатый годъ и съ Москвы сшолъ въ Воскресенскій монастырь и жилъ 9 лѣтъ.

5) Петрушка Ларіоновъ, крестьянинъ вотчины Воскресенскаго монастыря села Здвиженскаго (Дорны), дѣлаетъ у Стеньки жъ образцы сырые; а мастеръ сказалъ, что тожъ краски наводитъ и печи дѣлаетъ.

6) Алешка Левоновъ крестьянской сынъ вотчины Воскресенскаго монастыря, села Ивановскаго, дѣлаетъ у Стеньки жъ, тожъ краски наводитъ и печи кладетъ.

7) Сенька Трофимовъ, крестьянской сынъ вотчины Воскресенскаго монастыря, села Вознесенскаго, дѣлаетъ то жъ, краски наводитъ и печи кладетъ.

„Да сверхъ отписки и росписки объявились:“

8) Печного дѣла Самошка Григорьевъ, дѣлаетъ печи и кладетъ въ образцахъ, и самъ бѣлые образцы дѣлаетъ, родомъ иноземецъ, Копоси города, мѣщанскаго отца сынъ, взятъ онъ въ Иверскій монастырь и жилъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, тому нынѣ двѣнадцать лѣтъ (слѣд. въ 1654 г.)“.

Изъ этой росписи слѣдуетъ, что въ числѣ 31 чел. мастеровъ, взятыхъ изъ Новаго Іерусалима въ Москву, было, трое мастеровъ ценинныхъ и пятеро ихъ учениковъ; изъ нихъ всѣ „мастера“ были „иноземцы“, уроженцы г.г. Копоси и Мстиславля, а изъ учениковъ двое были „иноземцы“, уроженцы Шкловскаго уѣзда и г. Вильны, и только трое остальныхъ были коренные русскіе, родомъ изъ вотчинъ Воскресенскаго монастыря, изъ селъ Здвиженскаго, Ивановскаго и Вознесенскаго.

Это преобладаніе „иноземцевъ“ объяснитъ намъ многое, какъ мы это увидимъ впослѣдствіи.

Возобновилось изразцовое производство въ Новомъ Іерусалимѣ, вѣроятно, въ 1679 году, когда царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ приступилъ къ окончанію соборной церкви. Потомъ въ самомъ концѣ XVII, вскорѣ послѣ ея окончанія и освященія (1685 г.), производство это занимаетъ въ монастырской жизни весьма видное мѣсто, какъ мы это уже видѣли изъ расходныхъ книгъ 1693 года. Но затѣмъ въ началѣ XVIII оно, повидимому, приходитъ въ упадокъ и возобновляется лишь 1709 г. волею Петра Великаго, по указу котораго были присланы въ Новый Іерусалимъ

для гончарной работы „два человѣка швецкого полону: Янъ Флегнеръ и Кристанъ“. Прибывъ на мѣсто они потребовали для начала производства помѣщеніе и разные припасы, а именно: „избу, горнъ, свинцу 10 фунтовъ, олова 3 фунта, поташу фунтъ, краски лазори ½ фунта, соли 6 фунтовъ, бѣлой глины два куска, и два круга деревянныхъ для гончарной работы“ Эти-то требованія Флегнера и Кристана и наводятъ насъ на мысль о тэмъ, что въ началѣ XVIII в. изразцовое дѣло пришло въ Новомъ Іерусалимѣ въ полный упадокъ, ибо въ противномъ случаѣ тамъ конечно уже нашлись-бы такіе предметы первой необходимости для производства, какъ напр. горнъ, деревянные круги и проч.

Всѣ эти припасы были доставлены „полоняникамъ“ по распоряженію монастырскаго приказа, а затѣмъ образцы ими сдѣланные, были отосланы въ Петербургъ на показъ Государю. Но образцы, какъ видно не понравились и вслѣдъ затѣмъ изъ Петербурга было прислано письмо, которымъ указано было шведамъ „нынѣ сдѣлать немедленно шведскимъ манеромъ печныхъ изразцовъ гладкихъ бѣлыхъ, а по нимъ травы синею краскою..... изъ добрые земли а не съ такіе, что образецъ казали, чтобъ были въ дѣлѣ чисты, 10 печей“.

Эти шведскіе печные изразцы — бѣлые съ синими разводами, привились у насъ весьма прочно и продержались въ барскихъ домахъ въ продолженіи всего XVIII вѣка, пока не были вытѣснены въ XIX вѣкѣ нынѣшними бѣлыми „голландскими“ изразцами.

Въ нашихъ захолустьяхъ, въ старыхъ домахъ и донынѣ уцѣлѣли подобныя печи *).

*) Какъ напримѣръ мы можемъ указать на нѣкоторыя печи въ Главномъ Домѣ села Кускова подъ Москвою, принадлежащаго Графу С. Д. Шереметеву.

Такимъ образомъ Новый Іерусалимъ вторично, уже въ XVIII вѣкѣ, сталъ разсадникомъ изразцового дѣла въ Россіи.

Флегнеръ работалъ въ монастырѣ до 1732 и принялъ въ немъ православіе; затѣмъ онъ перешелъ оттуда въ Москву на частную фабрику „трубочныхъ и цѣнинныхъ дѣлъ“ купца А. Гребенщикова, при которой былъ закабаленъ навсегда въ 1736 году, въ силу указа Императрицы Анны Іоанновны, повелѣвавшаго всѣмъ находившимся на фабрикахъ и обучавшимся тамъ мастерству „быть вѣчно при фабрикахъ“.

При обновленіи соборнаго храма въ Воскресенскомъ монастырѣ при императрицѣ Елизаветѣ Флегнеръ, послѣ усиленныхъ хлопотъ архимандрита Амвросія былъ возвращенъ въ монастырь по Высочайшему указу и его личному желанію, гдѣ и умеръ, вѣроятно, вскорѣ послѣ 1749 года.

Памятникомъ его вторичнаго пребыванія въ Новомъ Іерусалимѣ являются великолѣпныя печи, украшающія и понынѣ музей и библіотеку монастыря*).

Указавъ извѣстныхъ до настоящаго времени ценинныхъ мастеровъ Воскресенскаго монастыря мы можемъ перейти теперь къ разсмотрѣнію ихъ произведеній.

Изъ всѣхъ храмовъ русскихъ ни одинъ, кажется, не украшенъ такъ роскошно и обильно изразцами, какъ „великая церковь“ или Воскресенскій соборъ Новаго Іерусалима. Онъ имѣетъ изразцы какъ внутри, такъ и снаружи. Особенно щедро осыпанъ ими восточный фасадъ. Наибольшимъ богатствомъ отличаются

*) О дѣлѣ Флегнера см. подробно въ статьѣ «Цѣнинное дѣло въ Воскрес., Нов. Іерус. имен. монастырѣ».

карнизъ шеи подъ главою средняго храма во имя Воскресенія Христова, парныя окна втораго этажа того-же храма, надоконный поясъ его алтарной апсиды и карнизъ шеи отдѣльнаго придѣла „Царя Константина и Матери его Елены“ **).

Изразцы эти представляютъ очень яркое хотя и очень согласное сочетаніе различныхъ цвѣтовъ: синяго, голубаго, красноватаго, желтаго, бѣлаго и зеленаго; но преобладающими являются синій и зеленый.

Уборъ шеи великой церкви Воскресенской состоитъ изъ довольно пестраго карниза съ модульонами, широкаго голубого фриза съ отливною славянскою надписью *) большими желтыми буквами и узорчатаго архитрава.

Надпись гласитъ такъ:

„Начало основанію Новаго Іерусалима 1656 года Святѣйшій Никонъ Патріархъ въ царство Великаго Государя Царя Алексія Михайловича застрои. 1679 г. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ до сводовъ воздвиже. 1685 г. Великіе Государи Цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи совершиша“.

Подъ архитравомъ, противъ каждаго простѣнка оконъ шеи, помѣщены изразчатыя украшенія въ видѣ языковъ довольно вычурнаго очертанія, съ небольшими изразчатыми-же кистями по концамъ. Языки эти убраны по голубому полю разными травами, плодами и разводами, желтыми, зелеными и красноватыми;

*) Чертежъ этого фасада помѣщенъ въ „Христіанскихъ Древностяхъ“ за 1877 г.

Подробные, въ краскахъ, рисунки этихъ частей, а равно и другихъ, помѣщены у Рихтера, таб. XXXIX—XLIII.

**) Новое доказательство, что изразцовую надпись Василія Блаженнаго правильнѣе относить къ XVII в.

по срединѣ помѣщены въ клеймахъ главы ангеловъ, съ желтымъ сіяніемъ, голубой одеждой и красноватыми крыльями.

Что же касается до стиля этого убранства, то въ профилевкѣ карниза, его модульонахъ и разводахъ языковъ нельзя не замѣтить очень сильнаго вліянія, господствовавшаго тогда въ Польшѣ и Литвѣ стиля Возрожденія.

Поясъ апсиды состоитъ также изъ широкаго фриза, съ языками внизу, насаженными часто, въ видѣ бахромы; всё это богато разцвѣчено разными травами.

Парныя боковыя окна, расположенныя во второмъ этажѣ восточныхъ стѣнъ средней крестовидной части храма, отдѣланы почти одинаково; вся разница заключается въ томъ, что правое окно имѣетъ полукруглыя арки, а лѣвое лучковыя. Пріемъ обработки ихъ представляетъ нѣкоторую смѣсь формъ Возрожденія съ русскими. Такъ напр. форма просвѣтовъ лѣваго окна съ ихъ лучковыми, закругленными по угламъ перемычками — совершенно наша, точно такъ-же, какъ и кокошники надъ сандриками; но орнаментика въ этихъ кокошникахъ, а равно и сандрикъ съ кронштейнами—несомнѣнно извѣстная передѣлка формъ Возрожденія *). Преобладающіе цвѣта — синій, зеленый и желтый.

Мы не будемъ болѣе распространяться въ описаніи наружныхъ изразцовъ Воскресенскаго, а укажемъ еще только на карнизъ главы нынѣшняго Константина-Еленинскаго придѣла (восточнаго), какъ на весьма характерную форму въ отношеніи стиля. Его главную основу составляетъ поясъ, который состоитъ изъ двухъ „дорическихъ“ фризовъ, идущихъ одинъ надъ другимъ; части ихъ расположены въ шахматномъ порядкѣ, т. е. подъ три-

*) См. у Рихтера таб. XLI и XLII.

глифами верхняго рода приходятся метопы нижняго, и наоборотъ. Раскраска довольно пестрая: триглифы бѣлые, метопы свѣтлозеленыя; въ нихъ такія-же рамки съ красножелтыми херувимами или розетками; херувимы—въ верхнемъ фризѣ, розетки въ нижнемъ. Этого примѣра вполнѣ достаточно, чтобы показать какой простодушный пересказъ формъ „Возрожденія" представляютъ собою новоіерусалимскіе изразцы; вліяніе-же этого послѣдняго стиля объясняется, конечно тѣмъ, что мастера были „иноземцы изъ за Литовскаго рубежа".*)

Внутри храмъ также украшенъ во многихъ мѣстахъ изразцами; но что особенно замѣчательно въ немъ — такъ это его „изразцовые" иконостасы — явленіе единственное въ своемъ родѣ, во всемъ нашемъ древнемъ искуствѣ. Рисунки ихъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не обнародованы.

Древнее происхожденіе ихъ, помимо формы, подтверждается еще письменными данными, а именно объ оконостасахъ этихъ говоритъ монастырская опись 1669 г.,**) гдѣ въ отдѣлѣ „храмы" есть такого рода перечисленіе:

а) Внизу противъ горняго мѣста церковь, идѣже раздѣлиша воины ризы Христовы и меташа жребія, сѣнь и столпцы и весь иконостасъ учиненъ изъ цѣнинныхъ образцовъ.....

в) Церковь подъ Голгоѳою Усѣкновеніе Честныя Главы

*) Лѣтописныя данныя о разнообразной и крайне полезной дѣятельности Кутеинскихъ старцевъ (рѣзьба по дереву, книгопечатаніе, переводы книгъ, переплетное и изразцовое дѣло и пр.) помѣщены въ V томѣ Русской Исторической Библіотеки, издаваемой Археографической Коммиссіей (П-бургъ 1878.); см... «Акты Иверскаго Святоозерскаго монастыря (1582-1706), собранныя о. архимандритомъ Леонидомъ.»

**) Помѣщена въ «Истор. Опис»., стр. 149.

Іоанна Предтечи. Сѣнь и столпцы и весь иконостасъ учинены изъ цѣнинныхъ образцовъ.....

г) Церковь Архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ; иконостасъ построенъ цѣнинными образцами....

д) Церковь Всѣхъ Святыхъ, а въ ней иконостасъ учиненъ цѣнинными образцами.....

ж) Церковь зовется Темница*), гдѣ удержанъ бысть Христосъ отъ Пилата, а въ ней иконостасъ учиненъ цѣнинными образцами.....

з) Подземная церковь Константина и матери его Елены. Иконостасъ учиненъ изъ образцовъ цѣнинныхъ муравленыхъ.....

Въ этой описи показано шесть цѣнинныхъ иконостасовъ, но ихъ устроено всего семь, изъ которыхъ пять сдѣланы до 1666 года; седьмой, не показанный въ описи, сдѣланъ въ придѣлъ Логгина Сотника.

Нечего и говорить, что эти чудеса изразцоваго дѣла вызывали большія похвалы современниковъ, которыя выливаются у составителя описи такими словами:

„Внутрь-же всея великія церкви и двора церковнаго и во главѣ имать поясы и подзоры видѣніемъ и красотою зѣло различны, и лѣтопись надписаніе вокругъ всеа церкви и о таинствахъ церковныхъ, цѣнинными словами образчатыми, еже въ предбудущія рода родовъ написася.“

Или:

„Внутри и снаружи учинены въ церкви и въ дверяхъ и въ

*) Нынѣ придѣлъ Успенія Божіей Матери.

окнахъ вездѣ столпы и рамы, и ѳрамуги, надъ ними гзымсъ, цѣнинными разными образцами, а въ инѣхъ мѣстахъ надъ окнами и подъ поясомъ нижнимъ херувимы сдѣланы изъ цѣнинныхъ же образцовъ самымъ добрымъ мастерствомъ."*)

Многое изъ всего этого было сдѣлано самимъ Петромъ Заборскимъ. Вотъ что, по указанію о. архимандрита Леонида, дошло до насъ изъ его мастерства:

1) Облицовка изразцовыми украшеніями оконъ и дверей Голгоѳскаго придѣла снаружи, и арокъ внутри.

2) Верхній поясъ (подъ сводами) внутри соборнаго алтаря и церкви Воскресенія Христова, съ подписаніемъ: „о церковныхъ таинствахъ."

3) Пять изразцовыхъ иконостасовъ: а) въ прид. св. Іоанна Предтечи, подъ Голгоѳою; б) въ Успенскомъ придѣлѣ (въ сѣверномъ крылѣ соборнаго храма, соотвѣтственно южному Голгоѳскому); и в) три иконостаса въ придѣлахъ, за большимъ алтаремъ: „Поруганія", „Раздѣленія ризъ" и „Логгина Сотника".

Въ настоящее время большая часть всѣхъ этихъ изразцовыхъ украшеній закрашены масляной краской, за исключеніемъ изразцоваго пояса Никоновскаго скита и облицовки карниза той стѣнки, которая отдѣляетъ въ соборной церкви горнее мѣсто главнаго алтаря отъ придѣловъ окружающаго его прохода**). Эта окраска была произведена еще въ XVIII в. архимандритомъ Амвросіемъ, причемъ наружные изразцы были покрыты

*) Ib., стр. 78 и 80.

**) См. планъ собора въ «Христіанскихъ Древностяхъ» 1877 г.

тѣми-же цвѣтами, какіе имѣла глазурь, а иконостасы зеленою краскою съ позолотой.

Конечно подобное „варварство“ можетъ только возмутить всякаго любителя художественной старины, что мы лично испытали при осмотрѣ памятника. Но это „варварство“ оказывается не только полезной, но даже просто необходимой мѣрой: изразцы мѣстами до такой степени попортились и облупились, что оставлять ихъ въ такомъ видѣ было положительно невозможно*).

Таковы памятники изразцового дѣла въ Новомъ-Іерусалимѣ.

Перейдемъ теперь къ Москвѣ.

III.**)

Наиболѣе простымъ памятникомъ изразцоваго производства въ Москвѣ является черепица, покрывающая церковныя главы и башни Кремля, Китая города, Симонова монастыря и пр. Башенныя и церковныя черепицы имѣютъ одну и ту же форму: онѣ представляютъ вытянутый прямоугольникъ, который оканчивается съ нижней стороны тремя постепенно уменьшающимися уступами; по срединѣ верхняго конца, не далеко отъ края — есть дырочка для прикрѣпленія черепицы гвоздемъ, который вбивался въ шовъ каменной кладки (таб. Б, рис. 2, 4 и 5-й). Эта форма чисто русская и несомнѣнно перенесена на глину съ дерева, въ чемъ убѣж-

*) Это послѣднее обстоятельство, вполнѣ оправдывающее арх. Амвросія, было лично сообщено намъ высокоуважаемымъ Намѣстникомъ лавры о. Леонидомъ.

**) Когда I глава (стр. 5, 6 и 7ая) была уже набрана намъ случилось увидать у одного изслѣдователя кусочки пресловутой новгородской мозаики: они представляютъ стекловатый сплавъ, съ цениной ничего общаго, вопреки увѣреніямъ Сахарова, не имѣющій.

даютъ насъ многіе образцы*). Размѣры черепицы различны: церковныя мельче, башенныя — крупнѣе.

Башенныя черепицы имѣютъ — $5\frac{1}{8}$ вершк. длины и $3\frac{1}{2}$ ширины; церковныя — 5 вершк. длины и 2 ширины. — Размѣры башенныхъ черепицъ (таб. Б, рис. 2) приведены нами съ Тайнинской башни московскаго кремля, а церковныхъ черепицъ (таб. Б, рис. 4) съ храма „св. Космы и Даміана въ Кадашахъ" на Полянкѣ за Москвой рѣкой,**) черепицы которыхъ намъ довелось обмѣрять.

Башенныя и церковныя черепицы различаются еще по цвѣту: башни покрыты исключительно зеленой черепицей, а церковныя главы или просто зеленой или зеленой и желтой. При этомъ, если черепица на церковныя главы употребляется двуцвѣтная, то черепицы обоихъ цвѣтовъ, желтаго и зеленаго, располагаются попеременными рядами, которые по винтовой кривой опоясываютъ луковицу главки и сходятся подъ яблокомъ креста.

Въ настоящее время, правда, подобныя главки встрѣчаются все рѣже и рѣже, потому что черепица повсюду замѣняется желѣзомъ, но пока еще можно указать на нѣкоторыя образчики; таковы напр. главы уже упомянутый церкви св. Космы и Даміана за Москвой рѣкой, церкви „Алексѣя митрополита на Глинищахъ" въ Глинищевскомъ переулкѣ, въ Москвѣ***), Спасо-Преображенской церкви въ селѣ Чудиновѣ****), Московской губ. Серпуховскаго уѣзда и др.

*) См. напр. «Зодчій» 1872 г., листы № 12, № 34 и пр.

**) Рисунки ея помѣщены въ изданіи Н—ва «Москва, Соборы, Монастыри и Церкви.» — ч. III, отд. 2, № 25.

***) Рисунокъ см. ib., ч. II, № 8.

****) Близь Станціи Лопасня, Московско-Курской ж. д.

Главки эти очень красивы; всѣ онѣ принадлежатъ церквамъ XVII. в.

Главки покрытыя одной зеленой черепицей также бываютъ очень хороши: глазурь отливаетъ иногда цвѣтами радуги,*) въ родѣ того какъ это бываетъ въ старыхъ стеклахъ, и придаетъ общей окрашенности весьма красивые переливы. — Образчикомъ подобной окрашенности могутъ служить малыя главки прекрасной шатровой церкви села Медвѣдкова подъ Москвою**).

Подобной-же мелкой зеленой черепицей покрывались шатры надъ церковными входами и колокольнями. Какъ напримѣръ мы можемъ указать на крыльца и колокольню Василія Блаженнаго. Шатры эти были всегда многогранные; они крылись по ребрамъ черепичнымъ-же валикомъ, какъ это мы напр. видимъ на колокольнѣ того-же Василія Блаженнаго, и на башняхъ московскаго кремля; эти валики назывались „стрѣлками", вѣроятно потому, что направляясь вмѣстѣ съ гранями шатра къ верху, въ центръ, образуютъ стрѣлки.

Одна изъ подобныхъ черепицъ „валикомъ" хранится въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ и изображена на нашемъ рисункѣ. (Таб. Б, рис. 6-й). Она имѣетъ цилиндрическую форму, соединяется съ сосѣдней закраинами, а къ ребру шатра прикрѣпляется съ помощью двухъ дырочекъ, расположенныхъ сверху, по срединѣ; окраска ея довольно пестрая и состоитъ изъ перемѣщающихся накосныхъ полосъ желтаго, бѣлаго, зеленаго и коричневаго цвѣтовъ. Музейный ярлыкъ ея имѣетъ слѣдующую надпись:

*) Имѣетъ такъ называемый «металлическій отблескъ» (reflet métallique).

**) Рисунки ея помѣщены въ «Христіанскихъ Древностяхъ» за 1877 г.

„поливная черепица XVII вѣка, снятая съ кремлевскихъ башенъ при передѣлкѣ ихъ въ 1865 году".

Исключеніемъ, и притомъ едвали не единственнымъ, въ отношеніи многогранной формы, является коническій черепичный шатеръ Суздальскаго собора. (Таб. Б, рис. 1-й). Рисунки этой любопытной формы до сихъ поръ еще не были обнародованы.

Если вышеприведенныя церковныя черепицы можно безошибочно отнести къ XVII вѣку, сообразно тѣмъ церквамъ, главки и шатры которыхъ онѣ покрываютъ, то къ сожалѣнію нельзя того-же сдѣлать относительно черепицъ кремлевскихъ башенъ и точно опредѣлить ихъ вѣкъ.

Внѣшнихъ признаковъ вѣка нѣтъ: по своей формѣ онѣ могутъ быть отнесены къ XVI в. съ тою-же вѣроятностью, какъ и къ XVII. Мало того, много черепицъ совершенно новыхъ, добавленныхъ весьма поздно, во время поправокъ башенъ. Когда покрыты черепицей кремлевскія башни, при самой-ли постройкѣ, или впослѣдствіи — мы этого не знаемъ. Если предположить, что кирпичные шатры кремлевскихъ башенъ не могли, при первоначальной постройкѣ остаться безъ покрытія, то это противорѣчило-бы фактамъ: отчего-же тогда громадный шатеръ Вознесенской церкви с. Коломенскаго, начала XVI в., могъ остаться непокрытымъ*). А что для него не предназначалося покрытія — доказательствомъ служатъ тѣ обронные геометрическіе разводы, которые украшаютъ его поверхность.

Если сдѣлать второе предположеніе и допустить, что башни покрыты черепицею впослѣдствіи, то остается неизвѣстнымъ,

*) Рисунки ея помѣщены въ «Русской Старинѣ», Снегирева и Мартынова.

когда это было сдѣлано въ XVII или XVI вѣкѣ! Рѣшеніе этого вопроса съ помощью письменныхъ памятниковъ весьма желательно, такъ какъ оно пролило-бы нѣкоторый свѣтъ на состояніе изразцоваго дѣла въ Москвѣ въ XVI в.

Выдѣлкой черепицъ и глиняной посуды у насъ занимались „гончарные“ мастера и въ Москвѣ, за Яузой существовала цѣлая „Гончарная“ слобода, извѣстная еще въ XVI вѣкѣ.

Слобода эта была довольно обширна, судя потому, что въ ней было нѣсколько церквей, какъ напр. Воскресеніе Христово „въ Гончарахъ“, Успенья Богородицы „въ Гончарахъ“ и Введенія „въ Гончарахъ“. Первая изъ нихъ извѣстна съ 1626 г., а вторая съ 1625 г.*). Что-же касается до третьей, то она въ настоящее время не существуетъ, но показана въ описаніи „къ плану Императорскаго столичнаго города Москвы, сочиненнаго по смотрѣніямъ архитектора Ивана Мичурина въ 1739 году“.

Въ „Переписной Книгѣ города Москвы 1638 года“**), хранящейся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, къ несчастью не сохранилось ни начала, ни конца, который для насъ въ особенности важенъ, потому что въ немъ, сколько можно судить по уцѣлѣвшимъ частямъ, находилась именно перепись дворовъ „Гончарной“ слободы, вслѣдствіе чего книга эта не представляетъ никакихъ важныхъ данныхъ для разсматриваемаго нами вопроса. Тѣмъ не менѣе въ мѣстностяхъ, прилегающихъ

*) См. «Москва. Подробное историческое и археологическое описаніе города», Снегирева и Мартынова, Москва 1875 г. (стр. 79), и «Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы. По опредѣленію Московской Городской Думы собранные и изданные руководствомъ и трудами Ивана Забѣлина». Москва 1884, — (стр. 834 и 836).

**) Издана Московской Городской Думой въ 1881 г.

къ „Гончарной“ слободѣ иногда попадаются дворы „гончаровъ“, такъ напр. въ этой книгѣ значится:

„Слобода Семеновская, за Яузою, идучи съ Яузскаго „моста на правой сторонѣ:

.....

„Тое-жъ слободы (дворъ) теглеца Жданка Олексѣева сына гончара.... (стр. 301)*).

„Таганные-жъ слободы (дворъ) Ѳедки гончара.... (стр. 305)**).

.....

„Слобода Таганная, идучи съ Яузскаго моста на правой „сторонѣ, дворы:

.....

„Дворъ пустъ Анѳиногенка муравщика жильца.... (стр. 310).

.....

Затѣмъ изъ ценинныхъ мастеровъ, работавшихъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи, въ нашей археологической литературѣ указываются слѣдующіе:

1) Мартынъ Васильевъ (1616 г.)
2) Евермеръ Орнольтъ (1631 г.)
3) Игнатій Максимовъ (1668 г.)
4) Степанъ Ивановъ (1668 г.)
5) Василій Дорофеевъ (1668 г.)
6) Степка Полубѣсъ (1682 г.)
7) Иванъ Семеновъ Денежка (1683 г.)
8) Сенька Буткеевъ (1684 г.)

О первомъ изъ нихъ Мартынѣ Васильевѣ Сахаровъ гово-

*), **) — Страницы показаны изъ думскаго изданія.

ритъ, что онъ занимался въ 1616 г. „приготовленіемъ разныхъ вещей при возобновленіи московскихъ дворцовыхъ зданій“, но источника этихъ свѣдѣній не указываетъ.

Затѣмъ И. Е. Забѣлинъ говоритъ: „изъ древнихъ расходныхъ „книгъ мы узнаемъ, что въ 1616 и 1624 годахъ цѣнинный мас„теръ или „печникъ цѣнинныхъ печей“ дѣлалъ цѣнинныя печи въ хоромахъ царицы Маріи Владиміровны и въ другихъ зданіяхъ царскихъ дворцовъ“*). Объ имени этого цѣнинного мастера онъ не упоминаетъ. Очень можетъ быть, что въ виду одного и того-же 1616 года здѣсь идетъ рѣчь о томъ-же Мартынѣ Васильевѣ.

Евермеръ Орнольтъ—„мурамленникъ“ былъ вызванъ въ Россіи въ 1631 году вмѣстѣ съ другими мастерами. Этотъ вызовъ по нашему мнѣнію показываетъ, что въ первой половинѣ XVII вѣка изразцовое производство не стояло у насъ особенно высоко, потому что московское правительство вызывало изъ за границы только тѣхъ мастеровъ, дѣломъ которыхъ оно было недовольно у себя дома. Мы напр. знаемъ о неоднократномъ вызовѣ каменныхъ дѣлъ мастеровъ и литейщиковъ, но не знаемъ ни одного случая вызова плотниковъ или скорняковъ.—Тоже самое показываетъ вызовъ Заборскаго и другихъ мастеровъ „изъ за Литовскаго рубежа“ сдѣланный патріархомъ Никономъ. Ему очевидно незачѣмъ было-бы обращаться „за рубежъ“, если бы дома было достаточно своихъ мастеровъ.

Очень можетъ быть, что утвержденіе подобныхъ вещей несоотвѣтствуетъ „любви къ отечеству“ и что было-бы гораздо патріо-

*) Ист. обозр. Фин. и Цен. дѣл. въ Россіи, стр. 280—281.

тичнѣе утверждать, по примѣру Сахарова, что ценинное дѣло имѣло у насъ широкое развитіе съ X по XVIII вѣкъ, — но мы полагаемъ, что „правда," какова-бы она ни была, должна быть конечною цѣлью всякаго научнаго изслѣдованія.

Пребываніе Орнольта въ Россіи, по мнѣнію И. Е. Забѣлина, не осталось безъ пользы для нашихъ мастеровъ, такъ какъ во второй половинѣ XVII столѣтія, при царскомъ дворцѣ состояли уже на службѣ ценинные мастера, которые поэтому назывались дворцовыми.

Игнатій Максимовъ и Степанъ Ивановъ были мастера взятые изъ Новаго Іерусалима. Они показаны уже въ „разметномъ спискѣ", приведенномъ нами выше. Объ нихъ извѣстно, что Игнатій Максимовъ съ товарищами, пять человѣкъ, дѣлали царю Алексѣю Михайловичу, „въ подносъ ко Святой на печи образцы или образцовыя каѳли". А Степанъ Ивановъ, тоже съ товарищами дѣлалъ изразцы для церкви Григорія Неокесарійскаго за Москвою рѣкою*)

Въ „Прих. Расх. Тайнаго Приказа 7176 г. (1668 г.) значится: „176 г. Октября въ 24 день, по указу Великаго Государя подряжены цѣнинныхъ дѣлъ мастеры Степашко Ивановъ съ товарищи къ церковному строенью церкви Григорія Неокесарійскаго здѣлать двѣ тысячи образцовъ розныхъ поясовыхъ цѣнинныхъ въ длину осми вершковъ и болши и менши, а поперегъ семи вершковъ. А поставить имъ тѣ образцы на срокъ на Свѣтлое Христово Воскресенье нынѣшняго жъ 176 году, а дать имъ ото ста образцовъ по десяти рублевъ и напередъ сто рублевъ".

*) Рисунокъ ея помѣщенъ въ изданіи Н—ва «Москва, Соборы, Монастыри и Церкви». — Ч. III, Отд. 2, № 20.

Одновременно съ этими мастерами славился въ Москвѣ Василій Дорофеевъ, а въ восьмидесятыхъ годахъ XVII столѣтія лучшимъ мастеромъ считался Иванъ Семеновъ, по прозванію Денежка.

Объ этомъ послѣднемъ мастерѣ упоминается въ „подрядныхъ запискахъ“ 1683 года.

„191 г. генваря 13 по указу в. г. уговорился сдѣлать въ хоромахъ государынь царевенъ въ комнатахъ, да въ крестовой четыре печи ценинныхъ круглыхъ, да въ мыленкѣ печь ценинную-жъ; да подъ тѣми хоромами въ подклѣтахъ и въ теплыхъ сѣняхъ четыре печи зеленые сырчатые двоечельные, — ценинный мастеръ Ивашка Денежка. А по уговору довелось ему дать за ценинной образецъ по шти денегъ, а за зеленые по четыре денги*)...“

О послѣднихъ двухъ мастерахъ Степкѣ Полубѣсѣ и Сенькѣ Буткеевѣ также упоминается въ актахъ. Такъ напр. о первомъ изъ нихъ значится: „въ нынѣшнемъ, въ 190 году Апрѣля въ 10 день, по указу Великаго Государя велѣно дать изъ Приказу Большаго Дворца цѣнинныхъ дѣлъ мастеру Степкѣ Полубѣсу съ товарищи за взятые образцы, которые взяты у нихъ къ печному дѣлу въ хоромы Государынь Царевенъ Большихъ и пр.....: большой руки за триста за двадцать, средней руки за двѣ тысячи за сто за сорокъ за восемь образцовъ, — за зеленые за семь сотъ за пятдесятъ образцовъ, которые взяты у нихъ въ прошломъ въ 188 году девяносто два рубли“**).

*) См. «Домашній бытъ русскихъ царей» И. Забѣлина, Отд. «Матеріалы», стр. 144.

**) См. «Ист. Фин. и Цен. д. въ Рос.» приложеніе XIII.

О второмъ говорится въ „расходныхъ запискахъ“ 1684 года:

„192 г. Генваря 4, ценинныхъ дѣлъ мастеру Сенькѣ Буткееву за 1887 образцовъ зеленыхъ, которые взяты у него въ прошлыхъ во 190 и во 191 годѣхъ въ село Измайлово, въ Коломенское на дѣло печей, по 4 денги за образецъ, итого 37 р. 24 алт. 4 д. да взято у него 2072 образца ценинныхъ по 6 денегъ за образецъ, итого 62 р. 5 алт. 2 д.*)“

Московское изразцовое дѣло не прерывало связи съ новоіерусалимскимъ и въ эту пору, какъ это видно изъ „памяти“ 1683 года, „Каменнаго Приказа“, хранящейся въ дѣлахъ Воскресенскаго монастыря, въ которой значится:

„По указу Великихъ Государей, велѣно строить вверху каменныя палаты, гдѣ были прежде сего Государынь Царевенъ деревянные хоромы (терема); а къ тому строенію, для дѣла ценинныхъ образцовъ, формы взять изъ Воскресенскаго монастыря, какія понадобятся. Послать изъ мастерской Палаты ихъ, Государеву, грамоту**).

Московское дворцовое изразцовое дѣло не прекращалось и въ началѣ XVIII вѣка. „Есть данныя, пишетъ о. арх. Леонидъ, что и въ самомъ началѣ XVIII столѣтія, не смотря на значительныя сокращенія, сдѣланныя въ штатѣ придворныхъ мастеровъ, по разбору 1697 года, — въ числѣ ихъ все таки состоялъ и мастеръ ценинныхъ дѣлъ, съ жалованьемъ: деньгами 15 рублей, хлѣбомъ 9 четей безъ полъдва четверика. На 1701 годъ жалованья сему мастеру положено 20 рублей.

*) См. Забѣл. «Домашн. бытъ русск. цар.» Мат. стр. 162.

**) Напечатана у о. арх. Леонида въ «Истор. О. п. Воскр. Мон.,» стр. 105.

А въ вѣдомости неокладныхъ расходовъ на тотъ-же 1701 г., между прочимъ значится: „ценинныхъ дѣлъ мастеромъ и работникомъ за дѣло и товаръ въ селѣ Преображенскомъ, въ государевыхъ хоромахъ, печей: 15 руб. 31 алтынъ 5 денегъ (см. сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ, ч. II, стр. 250, 252 и 254).

Изъ частныхъ заведеній въ XVIII в. была извѣстна въ Москвѣ фабрика „трубочныхъ и ценинныхъ дѣлъ купца Аѳонасія Гребенщикова", на которой былъ временно закрѣпощенъ Флегнеръ.

IV.

Въ Москвѣ и сопредѣльныхъ съ нею мѣстностяхъ срединной исторической Россіи, кромѣ храмовъ изразцами украшены также нѣкоторыя гражданскія сооруженія, какъ напр.: дворцы, башни и дома.

Мы начнемъ обозрѣніе ихъ съ центра Москвы — съ Кремля. Зданій такихъ къ несчастью тамъ весьма немного: Теремный дворецъ и ц. Спаса за Золотой Рѣшеткой вотъ и всѣ зданія, которыя могутъ щегольнуть своимъ изразцовымъ убранствомъ. Части составляющія нынѣшній Теремный дворецъ, какъ извѣстно, разновременныя, а именно надъ среднею частью 2-го этажа были построены въ 1635 — 36 г.г. для царевичей Алексѣя и Іоанна Михайловичей — „Терема". Карнизы обоихъ этажей этой надстройки убраны изразцами, которые идутъ сплошь по фризу и украшены разноцвѣтными „травами"; раскраска ихъ такова: по синему полю зеленые листья, бѣлые цвѣты и желтые стебли съ

такими же почками. Узоръ геометрически правильный и совершенно симметричный; цвѣты и листья идутъ попеременно вдоль фриза и соединяются вверху и внизу стеблями, изогнутыми по кривой круга. Стиль орнаментики очень близко подходитъ къ „Возрожденью“ *).

Въ непосредственной связи съ теремами находится церковь Спаса за Золотой Рѣшеткой, щедро убранная изразцами, покрывающими ея карнизъ, парапетъ и шеи ея главъ. Убранство это относится ко временамъ царя Ѳедора Алексѣевича, который построилъ въ 1681 году надъ придѣломъ Іоанна Бѣлградскаго **) небольшой придѣлъ Воздвиженіе Честнаго креста ***), причемъ своды всѣхъ существующихъ по этой линіи церквей, т. е. Спаса, Воздвиженія, и Евдокіи ****), были соединены подъ одну общую кровлю и подъ одинъ рядъ главъ, числомъ одиннадцать, которыя въ этомъ соединеніи обозначаютъ три пятиглавыхъ храма, соединенныхъ вмѣстѣ, такимъ образомъ, что у смежныхъ храмовъ малыя главки общія. Въ такомъ видѣ храмы эти существуютъ и теперь. Главы, кресты и карнизы выложены изразцами, дѣланы по рисункамъ и образцамъ старца Ипполита, искуснѣйшаго рѣзчика того времени. Строителемъ былъ каменныхъ дѣлъ подмастерье Осипъ Старцовъ *****).

Форма карниза вполнѣ русская: это не карнизъ, а скорѣе широкій фризъ, который охватываетъ зданіе сверху. Онъ состоитъ

*) Рис. см. у Рихтера, таб. XXIII, XXIV и XXIX.

**) Впослѣдствіи Іоанна Предтечи.

***) Теперь Распятія.

****) «Словущее Воскресенье».

*****) См. у Рихтера, стр. 23.

изъ нѣсколькихъ узорныхъ поясовъ подраздѣленныхъ двумя валиками и увѣнчивается только небольшимъ „желобомъ", выступъ котораго лишь немного болѣе выступа валиковъ. Сильно выступаетъ только свѣсъ кровли, отороченной прорѣзнымъ желѣзнымъ кружевомъ. Это отсутствіе свѣса черта чисто русская: во всѣхъ нашихъ богато убранныхъ кирпичныхъ церквахъ XVII в., начиная съ церкви Рождества Путинки и кончая Останкинской, Тайнинской и друг., карнизъ выдѣляется не свѣсомъ обыкновенно самымъ незначительнымъ, а своею особенною узорочностью.

Это объясняется тѣмъ, что въ русской каменной архитектурѣ, сводчатой по преимуществу, карнизъ составляющій необходимую принадлежность архитравнаго покрытія, имѣетъ весьма слабое развитіе и представляетъ собою явленіе довольно позднѣе. Въ доказательство можно привести многіе русскіе древніе храмы, вовсе не имѣющіе карнизовъ, какъ напр. Димитріевскій соборъ во Владимірѣ, старый соборъ въ Звенигородѣ, Успенскій соборъ въ Москвѣ, соборъ московскаго Новодѣвичьяго монастыря и др.

Надъ карнизомъ идетъ небольшой парапетъ, служащій основаніемъ главкамъ; онъ отдѣланъ характернѣйшимъ русскимъ убранствомъ — рядомъ квадратныхъ впадинокъ — кіотцевъ или „ширинокъ", заполненныхъ изразцами. *) Шеи главокъ сплошь обложены изразцами; внизу, у основанія, онѣ имѣютъ изразчатый-же обратный желобъ, а вверху, подъ кружевомъ главки, та-

*) Ширинка показана на таблицѣ VI-й, вверху. Устройство ширинокъ было, большею частью, двоякое: ширинка обкладывалась или «прямью», т. е. выступомъ обыкновеннаго кирпича, или «гуськомъ» и тогда она называлась «гусятною».

кой-же астрагалъ. Но на этомъ и кончаются всѣ русскія особенности этого убранства, ибо самыя „травы“ и разводы, покрывающіе изразцы, обнаруживаютъ вліяніе стиля Возрожденья *). Къ тому-же стилю несомнѣнно относятся и тѣ большіе „яики“ (овалы), украшающіе собою шейки главъ, теперь пустые, но, вѣроятно, предназначавшіеся для образовъ. Цвѣта тѣже, что и въ теремныхъ изразцахъ, т. е. бѣлый, синій, желтый и зеленый. Нѣкоторые изъ изразцовъ, каковы напр., средній поясъ фриза и обратный желобъ базы очень напоминаютъ по своимъ узорамъ вѣнчающій желобъ Теремныхъ печей (Таб. А, ф. 2, а). Преобладаніе формъ Возрожденія въ узорахъ объясняется отчасти тѣмъ, что во второй половинѣ XVII в. старая русская рѣзьба по дереву замѣняется новою „фигурною“, нѣмецкою рѣзьбою — и что съ этого времени нѣкоторые русскіе мастера начинаютъ рѣзать свою рѣзьбу по печатнымъ нѣмецкимъ мастерскимъ „лицевымъ“ книгамъ, слѣдовательно по западнымъ рисункамъ. Двѣ такихъ книги, которыя были келейными книгами патріарха Никона и по которымъ онъ украшалъ храмы Новаго Іерусалима, были взяты оттуда въ 1667 году во дворецъ **). Можно предполагать, что подобныя нѣмецкія книги были извѣстны старцу Ипполиту, дававшему образцы и рисунки для этихъ работъ.

На фасадѣ „Потѣшнаго“ дворца изразцовъ не имѣется. Что же касается до внутренности, то Снегиревъ говоритъ, ***) что подъ сводами нижняго яруса были, по свидѣтельству сторожиловъ-

*) Рисунки смотр. у Рихтера, таб. VIII.

**) См. Домашній бытъ и пр. т. I, стр. 113.

***) См. Русск. Старина, годъ третій, стр. 34 — 35. Москва 1852 г.

очевидцевъ, покои съ изращатыми стѣнами. Оставляя вполнѣ на отвѣтственности нашего покойнаго археолога достовѣрность этого извѣстія мы полагаемъ, что оно имѣетъ извѣстную долю вѣроятія, хотя, спѣшимъ оговориться, намъ не приходилось встрѣчать ничего подобнаго при изученіи памятниковъ нашего древняго зодчества ни въ одномъ изъ нашихъ историческихъ городовъ или монастырей, словомъ ни въ одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ можно-бы наткнуться на столь роскошную внутреннюю отдѣлку *).

Затѣмъ въ Кремлѣ были еще „Гербовыя" ворота сломанныя уже въ нынѣшнемъ столѣтіи. По своему стилю они близко подходили къ стилю Теремовъ и имѣли, по свидѣтельству того-же Снегирева гербы въ клеймахъ „изъ разноцвѣтныхъ кахелей (изразцовъ)" **).

Изъ зданій, находящихся внѣ Кремля, наиболѣе щедро осыпанъ изразцами Крутицкій теремъ. Его второй этажъ, сплошь, сверху до низу покрытъ изразцовой облицовкой ***). Карнизы, колонны, кронштейны, подоконныя тяги, сандрики, даже самая гладь стѣнъ — все это изразчатое. Если въ предыдущихъ примѣрахъ мы видѣли извѣстную смѣсь формъ, русскихъ и западныхъ, архитектурныя формы этого зданія сразу обнаруживаютъ свое происхожденіе: коринѳскія колонны, со стержнями, обвитыми

*) Единственное исключеніе представляетъ «Голландскій домъ», въ селѣ Кусковѣ, подъ Москвою, стѣны котораго убраны внутри сплошь изразцами. Но онъ во-первыхъ построенъ въ чистѣйшемъ голландскомъ стилѣ, а во-вторыхъ въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка и съ русскимъ допетровскимъ зодчествомъ ничего общаго не имѣетъ.

**) См. Русск. Стар., годъ второй, стр. 29.

***) Рисунки см. у Рихтера, таб. XXXIII.

виноградными листьями и гроздьями, антаблементы, состоящіе изъ архитрава, фриза и карниза, съ раскреповками надъ колоннами, полукруглые разрывные фронтоны сандриковъ, обработка оконъ, филенки въ простѣнкахъ и наконецъ самые травы и разводы прямо показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ ближайшимъ подражаніемъ стилю Возрожденія, періода Барроко. Преобладающіе цвѣта раскраски тѣже, т. е., зеленый, синій и желтый. Время постройки — вторая половина XVII в.

Изъ другихъ старыхъ гражданскихъ сооруженій Москвы, имѣющихъ изразцы, укажемъ на домъ Имп. Москов. Археологическаго О-ва, на Палаты бывшаго „Книгопечатнаго Двора", во дворѣ дома Синодальной Типографіи и на Сухареву башню, которая въ ширинкахъ своихъ парапетовъ имѣетъ изразцы, украшенные желтыми двуглавыми орлами подъ двумя коронами по зеленому полю. Было въ Москвѣ еще одно гражданское сооруженіе украшенное изразцами, которое сломано еще очень недавно, на нашей памяти, — это такъ называемая „Старая Дума", находившаяся у Иверскихъ воротъ, на мѣстѣ нынѣшняго Историческаго Музея, для постройки котораго она и была разобрана; къ счастью изразцы, украшавшіе ея фасадъ, поступили въ музей Московскаго Архитектурнаго О-ва.

Формы ихъ обнаруживаютъ вліяніе того-же Возрожденія.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что изразцовыя произведенія имѣли въ московскомъ зодчествѣ самыя различныя примѣненія: изъ нихъ устраивалась обкладка стѣнъ, шей церковныхъ главъ, дѣлались карнизы и колонки и заполнялись ширинки, кромѣ того, какъ мы сейчасъ увидимъ далѣе изразцы примѣнялись еще для украшенія круглыхъ и прямоуголь-

ныхъ столбовъ, лопатокъ, подоконныхъ стѣнокъ и для устройства половъ.

Въ церковномъ зодчествѣ самымъ излюбленнымъ мѣстомъ для помѣщенія изразцовыхъ украшеній былъ конечно фризъ подъ главнымъ карнизомъ, — причемъ расположеніе изразцовъ было весьма разнообразно. Самый богатый способъ убранства состоялъ въ томъ, что изразцы покрывали собою весь фризъ сплошь, безъ промежутковъ; изразцы въ этомъ случаѣ располагались въ два ряда, одинъ надъ другимъ, чтобы покрыть фризъ во всю эту ширину. Это убранство очень богато на видъ, потому на нѣкоторомъ разстояніи швы между отдѣльными изразцами не замѣтны и фризъ кажется цѣльнымъ. Подобные сплошные фризы имѣютъ напр., московскія церкви св. Адріана и Наталіи, на 1-й Мѣщанской *) и Григорія Неокесарійскаго на Полянкѣ, за Москвой рѣкой **), изразцы которой ставилъ, какъ мы уже говорили извѣстный мастеръ Степанъ Ивановъ. Подобный-же сплошной фризъ имѣетъ соборъ Іосифова Волоколамскаго монастыря. Замѣчательно, что узоръ его изразцовъ совершенно одинаковъ съ узоромъ изразцовъ церкви св. Григорія Неокесарійскаго. Быть можетъ эта работа того-же Степана Иванова. Другой способъ убранства заключается въ томъ, что фризъ покрывается „ширинками", которыя выдѣлываются въ кирпичной кладкѣ, а въ нихъ уже вставляются изразцы. Если ширинки не велики, то въ нихъ вставляется по одному изразцу, который, заполняетъ все ихъ дно; если-же ширинки имѣютъ значительные размѣры, то въ нихъ вставляютъ по четыре изразца въ

*) Рис. смот. у Н-ва, ч. IV, № 41.

**) Рис. ibidem, ч. III, отд. 2, № 20.

каждую, которые сплошь заполняютъ ихъ дно. Фризъ перваго образца имѣютъ святыя врата Ризположенскаго Дѣвичьяго Монастыря въ Суздалѣ *), а второго—церковь Николы на Столпахъ, въ Армянскомъ переулкѣ въ Москвѣ **).

Наконецъ третій способъ украшенія фризовъ заключается въ томъ, изразцы располагаются въ рядъ, будучи поставлены не на край, а на уголъ, т. е. въ такомъ положеніи, которое показано на таблицѣ IX, слѣва.

Образчикомъ подобнаго убранства можетъ служить фризъ церкви Грузинской Божіей Матери, въ Китаѣ городѣ, въ Москвѣ ***).

Широкими сплошными фризами изъ изразцовъ убирались также шеи церковныхъ главъ, причемъ фризы эти располагались между карнизикомъ и арочками колоннокъ шеи, какъ мы это видимъ, напр., на главномъ соборѣ Іосифова Волоколамскаго монастыря. Послѣ фризовъ изразцы заполняютъ собою чаще всего „ширинки", которыми столь обильно изукрашены произведенія древняго московскаго зодчества.

Что-же касается до заполненія ширинокъ изразцами, то оно было весьма разнообразно. Кромѣ уже указанныхъ нами пріемовъ употреблялись еще слѣдующіе:

1) Ширинка заполнялась однимъ изразцомъ, но онъ ставился

*) Фотографическій снимокъ ихъ имѣется подъ № 320 въ альбомахъ фотографа Борщевскаго, находящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ С.П-гѣ, (Объ этихъ альбомахъ см. Вл. В. Стасова «Фотографическія коллекціи Императорской Публичной Библіотеки»; СПб. 1885 г.).

**) Рис. помѣщ. въ «Христ. Древностяхъ» за 1877 г., стр. 34.

***) Рис. помѣщены въ «Христ. Древностяхъ» за 1877 г., стр. 28 и въ «Зодчемъ», Октябрь 1877 г., таб. 47 — 48.

не на край, а на уголъ, такъ стороны его были наклонны подъ угломъ въ 45° къ сторонамъ ширинки, какъ мы это видимъ напр. на прекраснѣйшей церкви с. Маркова, Бронницкаго уѣзда, Московской губ. *).

2) Въ ширинкѣ ставились „на уголъ" три изразца по одной вертикальной оси, при чемъ самая ширинка дѣлалась не квадратной, а нѣсколько вытянутой въ высоту; образцами могутъ служить ширинки колокольни церкви Грузинской Божіей Матери и воротной башни Суздальскаго Спасо-Евѳиміева монастыря **).

3) Если ширинка имѣла значительные размѣры и образовала собою скорѣе большую впадину, то она убиралась изразцами, расположенными по какому-нибудь узору, такъ напр. на той-же башнѣ Спасо-Евѳиміева монастыря есть впадины, въ которыхъ вставлены по четыре изразца, расположенныхъ крестомъ: два по горизонтальной оси и два по вертикальной; самые изразцы поставлены „на уголъ" и нѣсколько удалены другъ отъ друга ***). На башняхъ Іосифова монастыря, Волоколамскаго уѣзда, Московской губ. ****), есть впадины, убранныя пятью изразцами, расположенными такъ: одинъ по срединѣ и четыре по угламъ; они поставлены „на край" и въ нѣкоторыхъ впадинахъ касаются углами, а въ другихъ отстоятъ другъ отъ друга на нѣкоторомъ разстояніи; во впадинахъ этого послѣдняго встрѣ-

*) Объ этой церкви см. подробно нашу статью «Памятники древняго зодчества въ Коломенскомъ и Бронницкомъ уѣздахъ Московской губерніи», («Зодчій» 1884 г.).

**) Рис. см. у Шохина, таб. № 20.

***) См. ib.

****) Рисунки этихъ превосходныхъ башенъ, а равно и другихъ зданій этого монастыря, къ несчастью, еще нигдѣ не обнародованы.

чается еще одно видоизмѣненіе, которое заключается въ томъ, что средній изразецъ ставится „на край“, а угловые „на уголъ“.

4) Когда ширинка или впадина имѣетъ большіе размѣры и заполняется сплошь изразцами, то расположеніе ихъ зависитъ отъ формы ширинки; такъ напр. впадины колокольни церкви св. Григорія Неокесарійскаго, въ видѣ прямоугольника поставленнаго на длинную сторону, заполнены тремя рядами изразцовъ, по четыре въ каждомъ; а впадины колокольни церкви Св. Космы и Даміана въ Садовникахъ, въ Москвѣ *), въ видѣ прямоугольника, поставленнаго на короткую сторону, заполнены тремя рядами изразцовъ, по два въ каждомъ.

Кромѣ ширинокъ и карнизовъ въ церковномъ зодчествѣ изразцы примѣнялись еще къ украшенію кокошниковъ. Въ „полѣ“ кокошника изразцы ставились обыкновенно на уголъ, причемъ расположеніе встрѣчается двоякое: или ставится одинъ изразецъ по срединѣ какъ напр. въ кокошникахъ церквей Грузинской Божіей Матери, Медвѣдковской и др.; или же помѣщаются три изразца — треугольникомъ: — два внизу и одинъ вверху; образчикъ подобнаго расположенія мы видимъ въ церкви Николы въ Хамовникахъ, въ Москвѣ **).

Первый изъ этихъ пріемовъ примѣняется также къ украшенію оконныхъ очелій (сандриковъ), имѣющихъ форму кокошниковъ, какъ это мы видимъ на той-же церкви Грузинской Божіей Матери.

Изразцы украшаютъ собою также церковныя крыльца и галлереи и въ такомъ случаѣ помѣщаются обыкновенно въ сре-

*) Рисунокъ см. у Н—ва, часть III, отд. 2, № 8.

**) Рисунокъ, см. Русскія и Христіанскія Древности. 1877 г., стр. 36.

динѣ треугольныхъ полей, образуемыхъ верхнею разгрузной аркой и двумя нижними подвѣсными арочками съ серьгой; примѣромъ могутъ служить западная галлерея церкви въ с. Останкинѣ подъ Москвой *) и крыльцо Палаты Книгопечатнаго Двора въ Москвѣ.

Если надъ окнами и кокошниками простѣночныхъ впадинъ въ галлереяхъ идетъ общій обрамляющій рядъ арочекъ изъ кирпича-валикомъ, то въ углахъ, между пятовыми частями арочекъ ставятся изразцы на уголъ; такъ напр. украшена сѣверная галлерейка уже упомянутой Марковской церкви. На одной изъ башенъ Іосифова Волоколамскаго монастыря, такъ называемой Угольной, встрѣчается еще иное сочетаніе смежныхъ арочекъ съ изразцами; тамъ гладь башенной стѣны украшена рядами арочекъ, изъ кирпича-валикомъ которыя, черезъ одну, опираются на колонки, на подобіе того, какъ украшаются алтарныя абсиды новгородскихъ церквей **). Между колонками, по срединѣ, гдѣ пята двухъ смежныхъ арочекъ остается свободною, поставлены изразцы на уголъ, такъ что изразецъ какъ бы подвѣшенъ на арочкахъ, словомъ помѣщенъ такъ, какъ серьга въ парныхъ аркахъ.

Подоконныя стѣнки, парапеты, сплошныя перила, прямоугольные столбы и лопатки никогда сплошь изразцами не облицовываются; по крайней мѣрѣ намъ нигдѣ не приходилось встрѣчать подобнаго убранства. Они покрываются обыкновенно ширинками, а въ нихъ уже ставятся изразцы на край или на уголъ. Но нельзя того-же сказать относительно круглыхъ

*) Рисунокъ, см. ibidem.

**) Напр. Спаса Преображеніе.

столбовъ: мы уже указывали на цѣльныя изразчатыя колонки Крутицкаго терема и Новаго Іерусалима; затѣмъ въ томъ-же Іосифовомъ монастырѣ есть еще слѣдующее своеобразное убранство: по бокамъ св. вратъ, съ южной стороны монастыря, выступаютъ изъ стѣны, на половину своей толщины, большіе круглые столбы, сплошь облицованные изразцами; размѣры ихъ столь значительны, что каждый горизонтальный рядъ ихъ облицовки имѣетъ нѣсколько изразцовъ. Впрочемъ — это едвали не единственный примѣръ.

Чтобы покончить съ примѣненіемъ изразцовъ въ Московскомъ зодчествѣ, укажемъ еще изразцовые полы, образчикомъ которыхъ можетъ служить полъ Успенской церкви Зилантьева монастыря въ Казани (таб. IX). Онъ состоитъ изъ желтыхъ и зеленыхъ лещадокъ, расположенныхъ въ шахматъ. Выстилка половъ изразцами была извѣстна еще въ кіевскомъ періодѣ, о чемъ мы уже говорили въ началѣ нашей статьи, но образчиковъ подобнаго примѣненія, вѣроятно, вслѣдствіи хрупкости матеріала, сохранилось очень мало. Впрочемъ Сахаровъ утверждаетъ, что лещади эти были не только квадратныя, какъ мы видѣли въ только что приведенномъ примѣрѣ, но и „продолговатыя и треугольныя, росписанныя травами, узорами и личинами“, хотя, къ сожалѣнію, не указываетъ ни одного памятника, въ которомъ бы такія лещади сохранились. Намъ же не случалось видѣть ничего подобнаго.

Вообще, надо замѣтить, что наши древніе изразцы, подобно многимъ другимъ остаткамъ нашего родного искусства, съ каждымъ годомъ гибнутъ все болѣе и болѣе, какъ отъ времени, такъ и отъ невѣжества.

Надо спѣшить собирать, хотя въ рисункахъ, эти драгоцѣнныя остатки, иначе большая часть ихъ погибнетъ безслѣдно. Помѣщаемый въ этомъ томѣ „Матеріаловъ по Исторіи Древнерусскихъ Одеждъ“ атласъ хотя и даетъ весьма хорошіе образчики нашего древняго изразцоваго дѣла, но конечно далеко не исчерпываетъ всего его богатѣйшаго содержанія, котораго хватило бы не только на цѣлый томъ, но даже на цѣлые тома „Древностей Государства Россійскаго“!

Будемъ надѣятся, что въ недалекомъ будущемъ это блестящее убранство нашего зодчества станетъ достояніемъ науки и искусства!

V.

Обзоръ нашихъ древнихъ памятниковъ, украшенныхъ изразцами, мы закончимъ ярославскими храмами, этими роскошными и блестящими представителями русскаго зодчества XVII вѣка. Памятникамъ Ярославля и окрестныхъ городовъ и монастырей, какъ напр., Романова-Борисоглѣбска, Ростова Великаго, Борисоглѣбскаго монастыря и пр., какъ то не посчастливилось въ нашей художественно-археологической литературѣ. Въ то время какъ памятники Москвы, Владиміра, Кіева и Новгорода были предметами многихъ монографій, нерѣдко снабженныхъ прекрасными рисунками, памятники Ярославля и окрестныхъ городовъ оставались, до сихъ поръ въ тѣни. Конечно труды графа М. Толстого *), В. И. Лѣствицына **), А. Крылова ***),

*) «Святыни и Древности Ростова Великаго». Москва 1866 г.

**) См. его «Списокъ моихъ сочиненій». Ярославль 1875 года.

***) См. его «Церковно-археологическое описаніе г. Ярославля». Ярославль 1860 г. и др.

А. Титова *) и пр. пролили въ свое время не мало свѣта на ярославскую старину, но всѣмъ имъ, къ сожалѣнію, недостаетъ главнаго въ этомъ случаѣ—хорошихъ рисунковъ, а превосходный альбомъ Рихтера **), въ которомъ имѣются снимки ярославскихъ памятниковъ, до сихъ поръ еще остался неизданнымъ. Великолѣпные снимки покойнаго Л. Даля и Леонова, помѣщаемые въ атласѣ этого выпуска, за исключеніемъ двухъ или трехъ, помѣщенныхъ въ „Зодчемъ“ ***), также были не обнародованы, а слѣдовательно не успѣли еще сдѣлаться достояніемъ науки, и только за послѣдніе два, три года появились прекрасно исполненные снимки ярославскихъ и ростовскихъ церквей ростовскаго фотографа И. Ѳ. Борщевскаго, которые могутъ служить превосходнымъ подспорьемъ при изученіи памятниковъ Ярославскаго зодчества ****). Краткая характеристика стиля этихъ памятниковъ была сдѣлана В. В. Стасовымъ *****). Затѣмъ въ прошломъ году академикъ В. В. Сусловъ, изучавшій по порученію Академіи Художествъ наши древніе памятники помѣстилъ въ „Зодчемъ“ статью подъ заглавіемъ „Древнія церкви въ Романовѣ Борисоглѣбскѣ“ и обмѣры Воскресенскаго собора въ Романовѣ. Вотъ и все важнѣйшее по ярославскимъ памятникамъ. Нѣкоторые изъ этихъ источниковъ упоминаютъ объ изразцахъ, но только совершенно вскользь и ни одинъ изъ нихъ не

*) См. его «Путеводитель по г. Ростову, Ярославской губерніи». Москва. 1883 г. и др.

**) Хранится въ библіотекѣ Имп. Академіи Художествъ.

***) См. «Зодчій» 1876 г., листы 16 и 17-й и 1885, листы 55 и 56-й.

****) Ярославскій отдѣлъ сборника г. Борщевскаго состоитъ изъ четырехъ томовъ и заключаетъ въ себѣ слѣдующіе снимки: I томъ (58 шт.)—Ярославль; II томъ (49 шт.) Борисоглѣбскій монастырь; III и IV томы (53 и 57 листовъ)—Ростовъ-Великій.

*****) См. его «Фотографическія и фототипическія коллекціи И. Пуб. Библіотеки». Стр. 70—74.

останавливается на нихъ сколько-нибудь подробно. Поэтому мы попытаемся сдѣлать теперь краткій очеркъ ярославскихъ изразцовъ на основаніи личныхъ наблюденій.

Однимъ изъ первыхъ ярославскихъ храмовъ, убранныхъ изразцами, является храмъ Богоявленія, на берегу Которосли, близь Архіерейскаго Дома. Онъ построенъ въ 1684 г. ярославцемъ гостиной сотни Алексіемъ Авраамовымъ, сыномъ Зубчаниковымъ. Простѣнки оконъ его сѣвернаго придѣла и средніе лопатки его главной части убраны вертикальными рядами изразцовъ, поставленныхъ на уголъ; нѣкоторые изразцы, напр. тѣ, которые помѣщены въ нижней части колокольни, окружены изразчатой рамкой-валикомъ. Изразцы, поставленные на край, идутъ по фризу главнаго карниза. Но особенно богато осыпаны изразцами шеи главъ; шеи эти глухія, оконъ не имѣютъ и убраны обычными колонками съ арочиами; каждый промежутокъ между колонками заполненъ у большой главы-вертикальнымъ рядомъ изъ семи изразцовъ на уголъ, а у малыхъ главъ-вертикальнымъ рядомъ изъ пяти изразцовъ. Подобные вертикальные ряды изъ изразцовъ на уголъ составляютъ преимущественно особенность ярославскаго зодчества и повторяются, какъ мы увидимъ это далѣе на многихъ церквахъ.

Далѣе слѣдуетъ указать на великолѣпную пятнадцатиглавую церковь св. Іоанна Предчети въ Толчковѣ *), за Которослью. Храмъ этотъ построенъ въ 1687 году. Его паперти и крыльца убраны ширинками съ изразцами на край **); простѣнки средней

*) Модель ея, сдѣланная художникомъ Д. А. Смирновымъ, находится въ Музеѣ О-ва Любителей Древней Письменности, въ С.-Петербургѣ.

**) Рис. смотр. «Зодчій» 1883, листъ № 4.

двухъэтажной части убраны, каждый вертикальными рядами изразцовъ на уголъ по восьми штукъ въ каждомъ; надъ окнами и надъ простѣнками идетъ рядъ кокошничковъ изъ лекальнаго кирпича, а во входящихъ углахъ, образуемыхъ смежными кокошниками, помѣщены изразцы на уголъ, въ родѣ расположенія ихъ на паперти Марковской церкви; они образуютъ собою горизонтальный рядъ, къ которому примыкаютъ вертикальные. Изразцами на уголъ же убраны кокошники придѣловъ и основаній ихъ главокъ;—во входящихъ углахъ, образуемыхъ смежными кокошниками, поставлены также изразцы на уголъ, которые росположены такимъ образомъ въ шахматномъ порядкѣ съ внутренними изразцами кокошниковъ.

Простѣнки шеекъ малыхъ главъ убраны одинаково съ Богоявленской церковью. Простѣнки шеи средней главы убраны богаче и изразцы по нимъ идутъ такъ: сперва два изразца на уголъ въ рядъ (по горизонтальному направленію), а потомъ одинъ посрединѣ, также на уголъ, затѣмъ опять два, потомъ снова одинъ и т. д.; такихъ перемѣнныхъ рядовъ въ каждомъ простѣнкѣ девять. Всѣ шеи главнаго храма опоясаны сверху арочекъ горизонтальными рядами изразцовъ также на уголъ.

До 1863 г. многіе изъ этихъ изразцовъ выкрошились и были замѣнены въ 1864 году новыми *), на что мы и считаемъ долгомъ обратить вниманіе будущихъ изслѣдователей.

Слѣдующее мѣсто послѣ Толчковской по богатству изразцами, занимаетъ церковь св. Іоанна-Златоуста „въ Коровникахъ“, при впаденіи Которосли въ Волгу, построенная въ 1654-мъ году.

*) См. «Предтеченская церковь въ Ярославлѣ», Ярославль, 1881 г., стр. 12.

Особенно роскошно убраны крыльцо и среднее окно главнаго алтаря, которое представлено на таблицѣ XIII.

Крыльца ея имѣютъ форму исключительно присущую Ярославскому зодчеству и нигдѣ въ другихъ мѣстахъ въ такомъ видѣ не встрѣчаются: надъ обычной аркой русскаго церковнаго крыльца, опирающейся на угловыя балясины, высится остроконечный щипецъ, наклонныя стороны котораго, недалеко отъ низу изламываются подъ тупымъ угломъ и, принявъ вертикальное направленіе, упираются въ угловыя части вѣнчающаго карниза крыльца *). Средина этого щипца занята живописью, а наклонные и ломанные края, его равно какъ и карнизъ, служащій имъ опорою, сплошь покрыты изразцами въ нѣсколько рядовъ. Края щипца убраны двумя мелкими изразчатыми обломами, широкимъ фризомъ, мелкимъ переходнымъ обломомъ и крупнымъ вѣнчающимъ гуськомъ; карнизъ состоитъ изъ изразчатаго валика, идущаго по кирпичной стѣнѣ, большого фриза и сильнаго верхняго вѣнчанія, образованнаго двумя широкими поясами, которые выступаютъ надъ фризомъ и другъ надъ другомъ на каблучкахъ. Эта широкая отдѣлка производитъ превосходное впечатлѣніе: такого сочного и мастерского распредѣленія изразцовъ московская архитектура не знаетъ.

Что же касается до алтарнаго окна показаннаго у насъ на таб. XIII, то изразцовое убранство его очень богато; оно мѣстами равно самому оконному пролету, а мѣстами шире его и состоитъ изъ слѣдующихъ частей:

*) Этотъ высокій, остроконечный щипецъ вмѣстѣ съ двускатой крышей несомнѣнно заимствованы у деревяннаго зодчества.

a) Изъ сильнаго, углубленнаго наличника, образованнаго семью мелкими обломами.

b) Изъ двухъ тонкихъ колонокъ, стержни которыхъ имѣютъ по три распушки *); колонки эти помѣщены по бокамъ наличника и соединены верху и внизу валикомъ и

c) Изъ широкой облицовки стѣны вокругъ наличника и колонокъ, ограниченной спокойной кривой линіей съ плавными переходами и острымъ мыскомъ наверху.

Совершенно подобное же убранство трехъ алтарныхъ оконъ имѣетъ церковь св. Петра и Павла „на Волгскомъ берегу", построенная въ 1691 году.

Наиболѣе богатымъ изразцовымъ убранствомъ отличается церковь Николы Мокринскаго и стоящая съ ней въ одной оградѣ теплая церковь Тихвинской Божіей матери, изразцы, изразчатыя ширинки и изразцовый карнизъ которыхъ представлены на таблицахъ I, II, III, IV, V, VI и XI.

Годъ построенія Тихвинской церкви неизвѣстенъ. Несомнѣнно однакожъ, что западная пристройка ея, покрытая изразцами, построена въ XVII и вотъ почему: во 1-хъ извѣстно, что придѣлъ Тихвинской церкви, во имя св. Василія Великаго освященъ въ 1694 г., а во 2-хъ храмъ Николы Мокринскаго, который имѣетъ точно такую же изразцовую пристройку, освященъ въ 1672 г., а храмоздательная грамота его помѣчена 1665 г.

Эта западная пристройка Тихвинской церкви крайне свое-

*) Каждая изъ этихъ колонъ состоитъ изъ двухъ колонокъ, поставленныхъ другъ надъ другомъ, такъ что средняя распушка, образуемая двумя крохотными балясинками, отдѣляетъ собственно одну отъ другой.

образна *). Съ лица она имѣетъ большіе входные врата справа и небольшую дверку слѣва; по бокамъ вратъ стоятъ большіе кирпичные балясины, а на лѣвомъ углу, за дверкой, — лопатка съ кирпичными ширинками; надъ всѣмъ этимъ идетъ широкій карнизъ, занимающій одну треть всей высоты фасада (таб. XI). Надъ карнизомъ помѣщенъ невысокій фронтонъ, поле котораго занято живописью, а наклонные края столь же щедро надѣлены изразцами.

Боковые фасады не менѣе щедро изукрашены изразцами: они увѣнчаны тѣмъ же роскошнымъ карнизомъ; глухія части стѣнъ сплошь убраны изразчатыми ширинками (таб. VI); простѣнки украшены вертикальными рядами изразцовъ „на уголъ".

Надъ фронтономъ возвышается шатровая глава; она имѣетъ четырехъгранное основаніе съ однимъ большимъ кокошникомъ на каждой сторонѣ; карнизъ основанія и полукруглыя тяги кокошниковъ облицованы изразцами; надъ кокошниками стоитъ восьмигранный черепичный шатеръ съ черепичною-же луковичною главкою; внизу, надъ большими кокошниками, шатеръ схваченъ рядомъ изъ восьми малыхъ кокошничковъ.

Вся пристройка горитъ и переливается яркими цвѣтами изразцовъ и сильно поражаетъ нашъ непривычный глазъ, воспитанный на однообразныхъ и тусклыхъ штукатурныхъ фасадахъ. Это — чисто восточная пышность, которой любило щегольнуть наше древнее храмовое зодчество!

Разберемъ теперь стиль этихъ изразцовыхъ украшеній. Въ нихъ мы замѣчаемъ тоже, что и въ московскихъ образцахъ, т. е.

*) Фасадъ ея (въ краскахъ) помѣщенъ въ «Зодчемъ» за 1885 годъ, листы № 55 и 56.

общее свое и подробности, навѣянныя чуждымъ вліяніемъ. Начнемъ съ окна (таб. XIII).

Глубокій и широкій наличникъ его, состоящій изъ нѣсколькихъ мелкихъ обломовъ—пріёмъ совершенно русскій, присущій нашему кирпичному зодчеству XVII вѣка; за примѣрами ходить недалеко: Останкинская церковь имѣетъ наличники въ этомъ родѣ. Затѣмъ идутъ тонкія колонки съ кубическими капительками и такими-же базами; колонка каждой стороны состоитъ собственно изъ двухъ колонокъ, поставленныхъ другъ на друга и раздѣленныхъ крохотными парными балясинками; каждая колонка имѣетъ по срединѣ распушку; подъ колонками подвѣшены и надъ колонками поставлены въ опрокинутомъ видѣ небольшія капли или подвѣски. Всё это формы вполнѣ русскія и встрѣчаются часто въ нашемъ церковномъ зодчествѣ, напр.: на той-же Останкинской церкви. Что-же касается до среднихъ распушекъ на колонкахъ, то они украшаютъ собою колонки чуть-ли не всѣхъ нашихъ церковныхъ входовъ XV, XVI и XVII вѣка *) и несомнѣнно перенесены на камень съ дерева, какъ это показываетъ рѣзной наличникъ входной двери церкви св. Іоанна Богослова „на Ишнѣ", близъ Ростова Великаго **). Да и вообще вся эта отдѣлка тонкими колонками съ распушками есть ничто иное какъ повтореніе деревяннаго пріема, въ доказательство чего мы укажемъ на деревянный дверной наличникъ церкви с. Дмитрова, Весьегонскаго уѣзда, Тверской губерніи, который имѣетъ совершенно подобную отдѣлку ***). Наконецъ

*) См. напр. у Шохина таб. 10 и 23, «Зодчій» 1879 г., листъ № 17 и пр.

**) См. «Зодчій» 1879 года, листъ № 16.

***) См. у Шохина, листъ № 3.

облицовка стѣны вокругъ окна представляетъ весьма своеобразное очертаніе, въ иныхъ мѣстностяхъ не повторяющееся, а ея верхній мысокъ, столь смѣло прорѣзывающій карнизъ, ничего каменнаго не имѣетъ и несомнѣнно ведетъ свое начало отъ деревянной крыши бочкой. На этомъ и заключаются всѣ самобытныя особенности, потому что въ завитушкахъ и листвѣ изразцоваго узора нельзя отрицать вліянія стиля Возрожденія.

Тоже самое мы замѣчаемъ и на карнизѣ западной пристройки церкви Николы Мокринскаго (таб. XI).

Это тотъ-же почти лишенный свѣса карнизъ или скорѣе фризъ, состоящій изъ поясовъ, какой мы уже разбирали въ московскомъ изразцовомъ дѣлѣ. Къ русскимъ особенностямъ этого карниза, кромѣ общей формы, слѣдуетъ отнести также узоры нѣкоторыхъ подробностей; такъ напр. витые валы употреблялись постоянно какъ въ нашемъ каменномъ, такъ и въ деревянномъ художествѣ и притомъ не только въ зодчествѣ, но и въ разныхъ предметахъ домашняго и церковнаго обихода*). Здѣсь только перевивка выражена красками.

Далѣе узоръ полочки подъ валомъ нижняго и верхняго фриза представляетъ собою дословное повтореніе нашей крайне типичной деревянной порѣзки**). Наконецъ послѣдній весьма характерный узоръ — это ромбы верхней и средней полки. Перенесенъ этотъ узоръ съ нашей кирпичной архитектуры, гдѣ онъ выдѣлывается такъ: каменьщикъ беретъ кирпичъ, придаетъ ему наклонное положеніе и опускаетъ однимъ угломъ въ

*) См. напр. у Шохина, таб. № 28 или Зодчій 1879, листъ № 16.

**) Въ параллель см. «Зодчій» 1874 г., листъ. № 50 «Стряпушечій шкафъ».

горизонтальную поверхность жидкой бѣлой извести, причемъ этотъ уголъ окрашивается известью; повторивъ этотъ пріемъ относительно всѣхъ четырехъ угловъ онъ получаетъ кирпичъ съ бѣлыми углами и съ ромбической красной (кирпичной) серединой. Карнизы, сложенные изъ кирпича такого вида, до сихъ-поръ еще попадаются въ подмосковныхъ постройкахъ. Въ нашемъ примѣрѣ мы несомнѣнно видимъ повтореніе этого пріема на изразцахъ.

Въ разводахъ и завиткахъ обоихъ фризовъ чувствуется вліяніе западнаго искусства.

На таб. I—V изображено тридцать штукъ изразцовъ, которые представляютъ собственно только семь узоровъ, а остальная разница заключается лишь въ различной раскраскѣ.—Изразцы эти расположены частью на боковыхъ стѣнахъ Тихвинской пристройки, а частью въ нижнемъ поясѣ ея карниза. На ширинкѣ съ изразцовымъ валикомъ (таб. VI) особенно ясно видѣнъ узоръ, составляющій подражаніе деревянной порѣзкѣ.

Таковы особенности памятниковъ изразцоваго дѣла въ Ярославлѣ.

Затѣмъ изразцы встрѣчаются еще на церковныхъ памятникахъ Ростова-Великаго, Борисоглѣбскаго монастыря, Романова-Борисоглѣбска и пр., но общее ихъ расположеніе, послѣ разсмотрѣнныхъ примѣровъ ничего новаго не представляетъ, а потому, мы ихъ здѣсь касаться не будемъ; но объ ихъ весьма любопытныхъ рисункахъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Изобильное примѣненіе изразцовъ въ ярославскомъ зодчествѣ, разсыпанныхъ съ такою щедростью, какая неизвѣстна

прочимъ отдѣламъ русскаго зодчества, невольно наводятъ на мысль, что Ярославль былъ нѣкогда центромъ обширнаго изразцоваго производства, подобно Москвѣ и Новому Іерусалиму. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, подтверждающихъ это предположеніе. — Наоборотъ, по мнѣнію мѣстнаго археолога и глубокаго знатока Ярославской старины В. И. Лѣствицына, на труды котораго мы уже указывали, изразцы въ Ярославлѣ не мѣстные, а привозные и въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Лѣствицынъ приводитъ столь вѣскія доказательства, что съ нимъ нельзя не согласиться*).

---

*) Мнѣніе это не было выражено достоуважаемымъ В. А. Лѣствицынымъ печатно, а любезно сообщено намъ въ частномъ письмѣ, выдержку изъ котораго мы, съ разрѣшенія автора, здѣсь помѣщаемъ.

Вотъ она:

«Съ XIII вѣка до 1621 г. въ Ярославлѣ были лишь двѣ каменныя церкви; прочія-же постоянно были деревянныя. Съ 1621 года начали строиться здѣсь каменныя церкви, впрочемъ «такъ, что въ 1-й половинѣ 17 столѣтія построено было лишь 5, а во 2-й половинѣ 35 церквей, «остальныя же послѣ 17-го столѣтія. На всѣхъ ли изъ нихъ есть изразцы, или только на церквахъ «2-й половины столѣтія — я самъ не вижу, а спеціалисты ни перомъ, ни карандашемъ о томъ не сообщили.

. . . . . .

«Какъ бы то ни было на церквахъ нашихъ изразцы имѣются. Теперь представляется вопросъ: кто-же дѣлалъ эти изразцы? Для разъясненія этого мы должны знать какъ назывались «художники этого рода въ тогдашнемъ обществѣ. Если съ этимъ вопросомъ мы обратимся къ «столицѣ государства Москвѣ, то узнаемъ, что здѣсь дѣятельное дворцовое управленіе давно уже «разузнало отъ иностранцевъ объ изразцовомъ производствѣ и успѣшно распространяло это знаніе, «такъ что во дворцѣ и городѣ были «ценинные мастера, мурамленики, мастера изразцоваго дѣла, «изразцовые мастера». Въ Ярославлѣ же на посадѣ, по переписнымъ книгамъ 710 году мастеровыхъ и ремесленныхъ людей было: иконописцовъ 30, серебрениковъ 42, золотарей 2, листового «золота мастеръ 1, кузнецовъ 100, плотниковъ 11, портныхъ мастеровъ 46, шапошниковъ 33, «сапожниковъ 102, оконишниковъ 25, мѣдниковъ 18, узденниковъ 13, крашенинниковъ 30, гребенщиковъ 22, овчиниковъ 8, баранщиковъ 32, сыромятниковъ 19, скорняшниковъ 19, шляпниковъ 7, щетиниковъ 16, шубниковъ 4, столяровъ 4, оловянишниковъ 16, кожевниковъ 86, рукавшиниковъ 295, всего 971 человѣкъ. Что-же слѣдуетъ изъ разсмотрѣнія послѣдняго списка и

Въ заключеніе мы считаемъ нужнымъ указать на то обстоятельство, что всѣ только что разсмотрѣнныя нами церкви построены во второй половинѣ XVII вѣка, а это еще разъ подтверждаетъ нашу мысль, что полный разцвѣтъ изразцоваго дѣла настаетъ у насъ лишь въ XVII столѣтіи.

Н. Султановъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ томѣ).

«сличенія его съ предъидущимъ? Слѣдуетъ то, что въ Ярославскомъ спискѣ нѣтъ ни указанія, «ни намёка на тѣхъ лицъ, которые производятъ изразцы. Отсюда выводимъ, что въ Ярославлѣ «своихъ производителей изразцовъ не было. Но возразятъ: если не было производителей израз«цовъ, то откуда же взялись изразцы несомнѣнно здѣсь существующіе? Представляется, что един«ственнымъ источникомъ для полученія Ярославлемъ изразцовъ могла быть только Москва, въ «которой можно было купить этого товара, если онъ находился на лицо, въ потребномъ количествѣ, «въ противномъ случаѣ заказать и получать по изготовленіи. Доставка же сюда не представляла «конечно особыхъ затрудненій, такъ какъ разстояніе между городами небольшое и дороги лучшія «въ государствѣ. Послѣднее потому, что мѣстность эта есть знаменитый царскій путь. Кромѣ «того можно было выписать изъ Москвы самого мастера изразцоваго дѣла, который изготовитъ «требуемые изразцы на мѣстѣ изъ мѣстныхъ матеріаловъ и руками мѣстныхъ рабочихъ

«Что такое объясненіе согласно съ дѣйствительностью усматривается въ томъ, что описан«ная роль Москвы въ нашихъ губерніяхъ доселѣ практикуется по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ «отрасляхъ промышленности. Такъ, если сельская церковь захочетъ сдѣлать себѣ новый иконо«стасъ или вызолотить его и расписать стѣны живописью, то отправляетъ сначала посланіе или «парламентера въ губернскій городъ, а если тамъ неудача, то въ Москву, которая обыкновенно «не отказываетъ въпросьбѣ и, присылая довѣренное лицо, исполняетъ порученіе достохвально.

«При такомъ объясненіи дѣлается понятнымъ, какъ это въ Ярославлѣ изразцы XVII вѣка «существуютъ, а производителей этихъ изразцовъ не оказывается.

. . . . . .

В. Лѣствицынъ.

NB. Когда этотъ листъ былъ уже напечатанъ, В. И. Листвицынъ выразилъ свой взглядъ печатно въ Ярослав. губ. вѣдомостяхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

Таблица **А.** Печь въ Теремахъ въ Москвѣ (изъ обмѣровъ Н. Султанова).

„ **Б.** Шатеръ собора въ Суздалѣ. Печь въ Теремахъ (изъ альбома Н. Султанова).

„ I. Карнизные изразцы паперти ц. Тихвинской Б. М. въ Ярославлѣ.

„ II, III, IV и V. Карнизные изразцы паперти ц. Тихвинской Б. М. въ Ярославлѣ.

„ VI. Изразцы съ Нижегородской Сергіевской ц., находящ. въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

„ VII. Изразцы съ Нижегородской Сергіевской ц., находящ. въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

„ VIII. Карнизъ печи въ ц. Успенія Б. М. въ Макарьевскомъ монаст. Нижегородск. губ. Карнизъ печи въ домѣ Сапожникова въ г. Гороховцѣ Владим. губ. Изразцы въ ц. Св. Троицы въ Зубовѣ, въ Москвѣ. Изразцы въ Спасской ц. въ г. Бѣлозерскѣ.

„ IX. Изразцы ц. Грузинской Б. М. въ Москвѣ. Изразецъ д. Сапожникова въ Гороховцѣ (Влад. г.). Изразцовый полъ Зилантьева монастыря въ Казани. Изразцы Успенской ц. въ Гончарахъ въ Москвѣ.

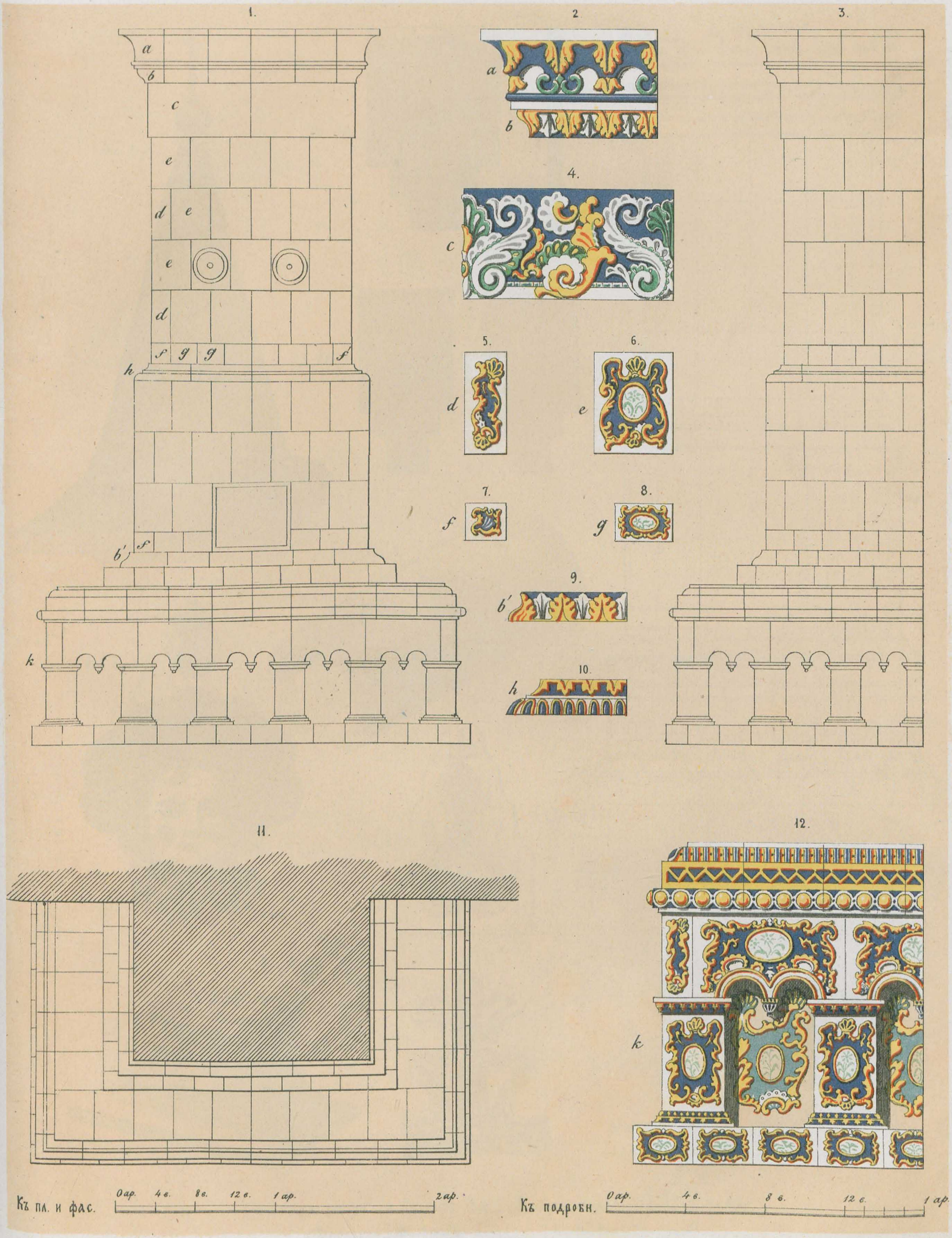
„ X. Печь дома Шумиловой въ г. Гороховцѣ (Влад. губ.).

„ XI. Карнизъ паперти ц. Св. Николая Чудотворца въ Ярославлѣ.

„ XII. Печь дома Сапожникова въ г. Гороховцѣ (Влад. г.).

„ XIII. Ярославль. Алтарное окно ц. Іоанна Златоуста, что въ Коровникахъ.
„ XIV. Ярославль. Окно ц. ІоаннаПредтечи, что въ Толчковѣ.
„ XV. Окно ризницы той же церкви.
„ XVI. Окно главнаго придѣла той же церкви.
„ XVII, XVIII и XIX. Ставни оконъ той же церкви.
„ XX. Ростовъ. Окно ц. Б. М. Одигитріи въ Кремлѣ.
„ XXI. Москва. Окно ц. Св. Николая Чуд., что въ Хамовникахъ.
„ XXII. Москва. Окно ц. Св. Николая Чуд., что въ Хамовникахъ.
„ XXIII. Балахна. (Нижегор. г.). Изразчатое окно ц. Бориса и Глѣба.
„ XXIV. Двери изъ главнаго придѣла въ сѣверный въ ц. Грузинской Б. М. въ Москвѣ.
„ XXV. Двери изъ главнаго придѣла въ Южный въ ц. Грузинской Б. М. въ Москвѣ.
„ XXVI. Печь въ бывшемъ архіерейскомъ домѣ въ Суздалѣ (Влад. г.).

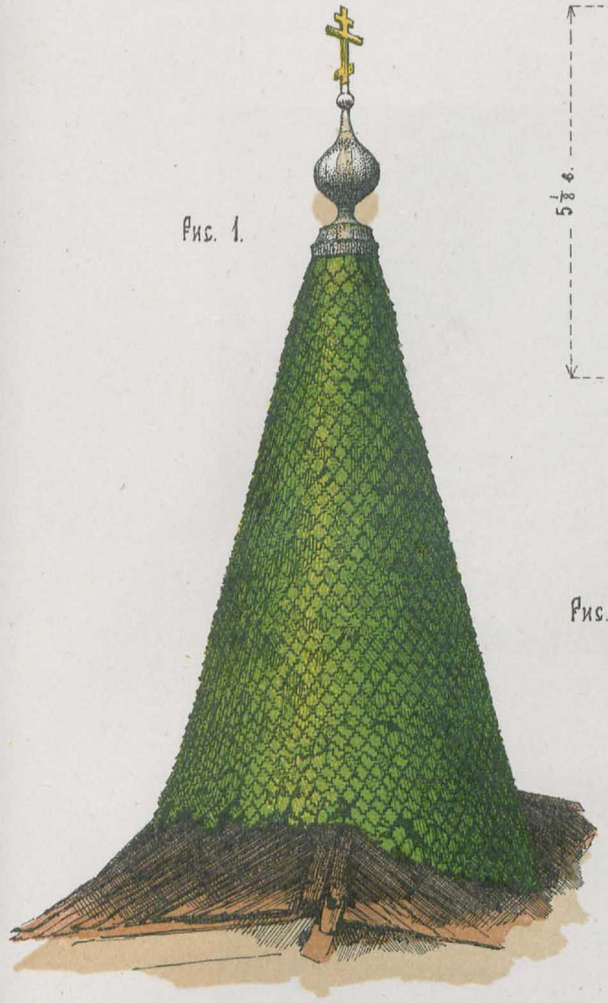
БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

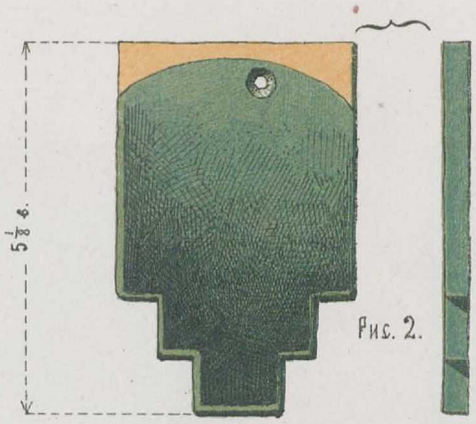


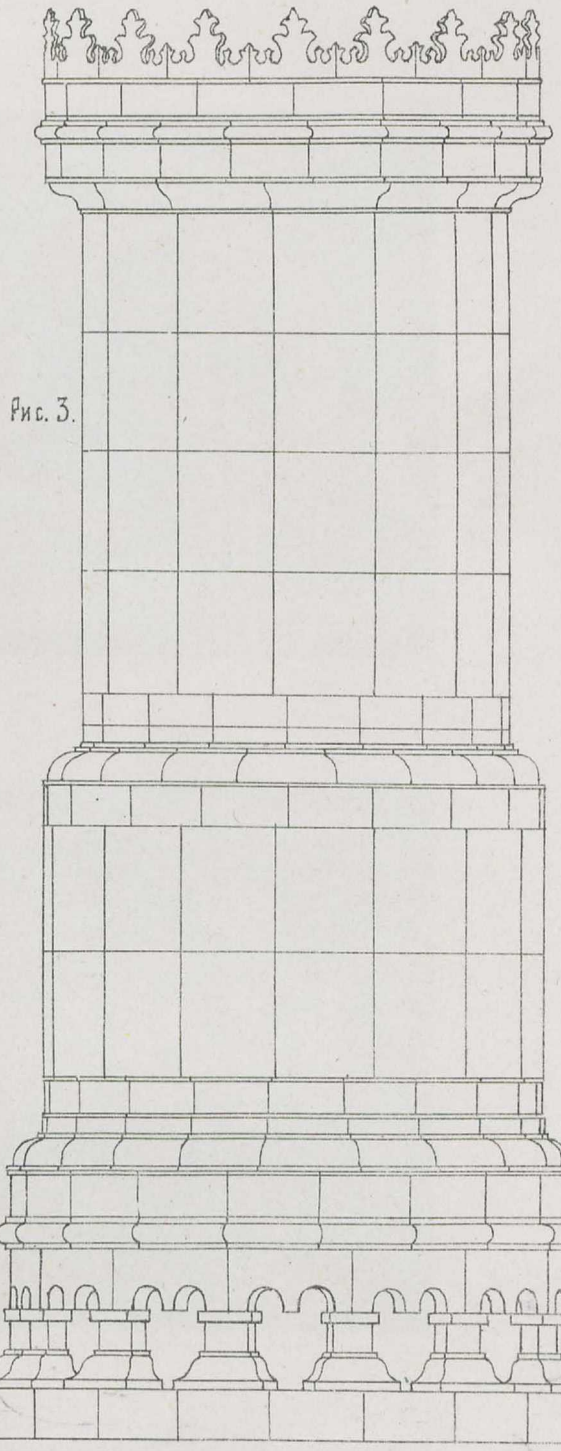
Печь въ Теремахъ въ Москвѣ.

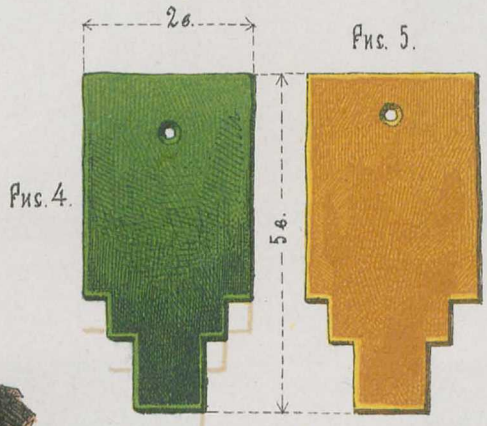
(изъ обмѣровъ Н. Султанова.)

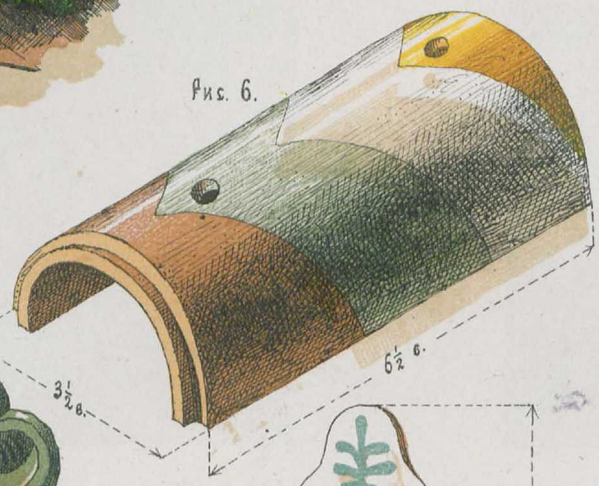
Лит. А. Прохорова.

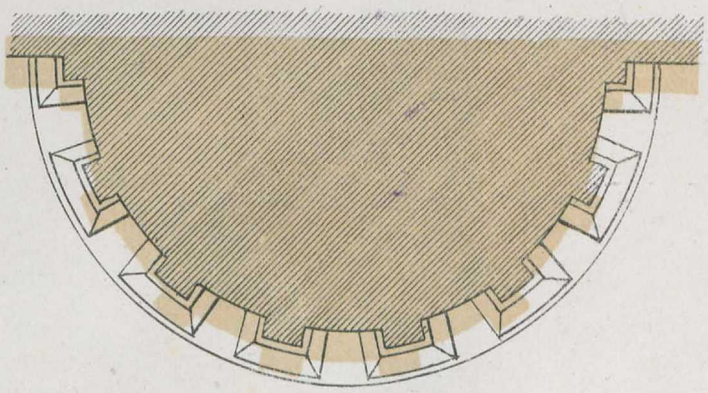


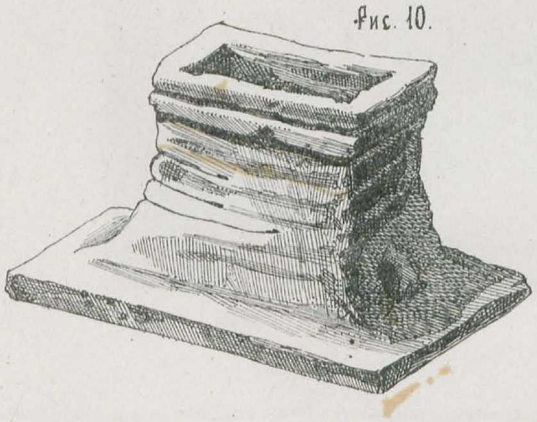


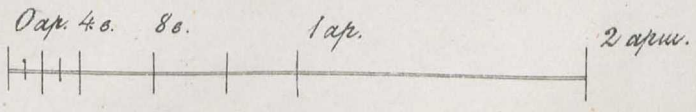










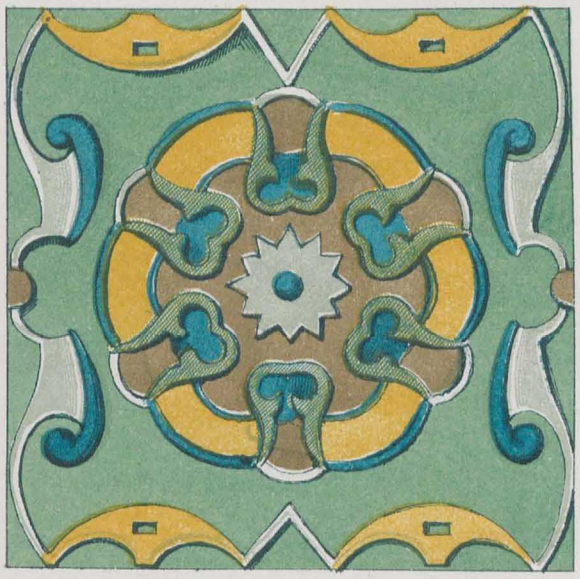


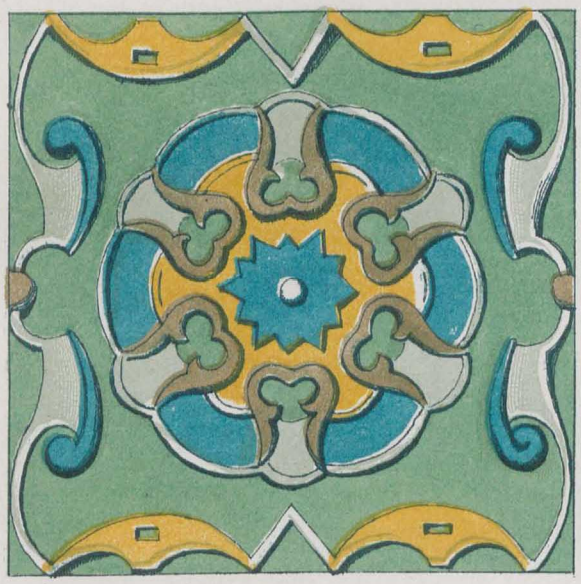
1—Шатеръ собора въ Суздалѣ. 2, 4, 5 и 6—Кровельная черепица. 3 и 9—Печь въ Теремахъ. 10—Рюмка изразца. 7, 8 и 11—Городки печей.

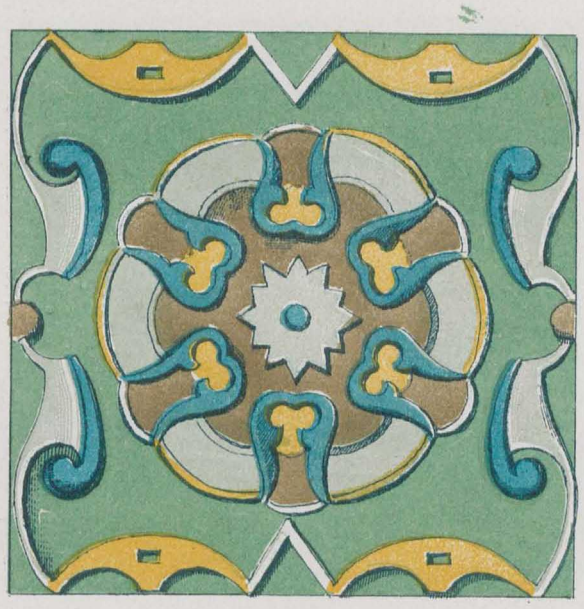
(Изъ альбома Н. Султанова).

Лит. А. Прохорова.

BIBLIOTECA
ACADEMIA



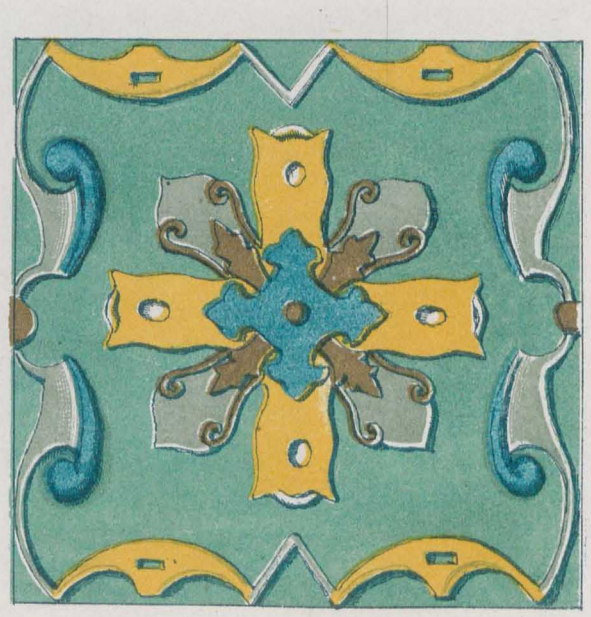




Карнизные изразцы паперти церкви Тихвинской Божьей Матери въ г. Ярославлѣ.

Лит. А. Прохорова.

BIBLIOTECA NACIONAL
SECCION ADQUISICIONES
MADRID

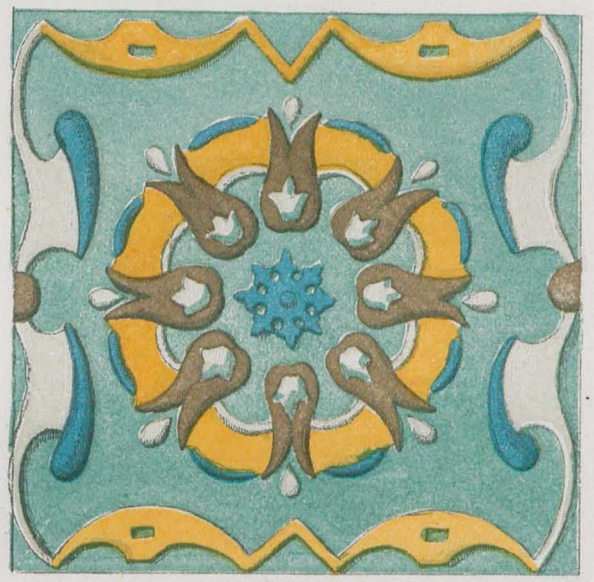


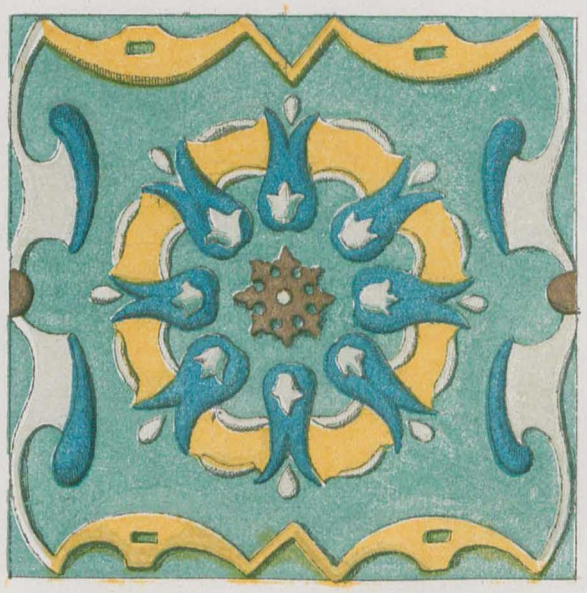
0 10 20 30 $\frac{40}{100}$ сажени.

Карнизные изразцы паперти церкви Тихвинской Божьей Матери въ г. Ярославлѣ.

Лит. А. Прохорова.

ΕΘΝΙΚΟ ΤΥΠΟΓΡΑΦΕΙΟ
ΑΘΑΛΛΙΝΑ





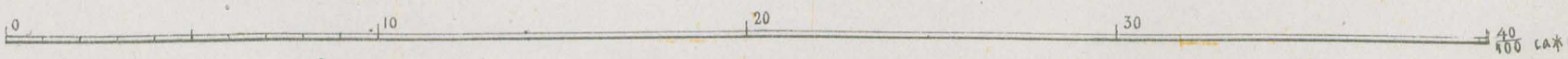
0 10 20 30 $\frac{40}{100}$ саж.

Изразцы паперти церкви Тихвинской Божіей Матери въ г. Ярославлѣ.

(Изъ альбома Л. Далмъ)

Лит. А. Прохорова.

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

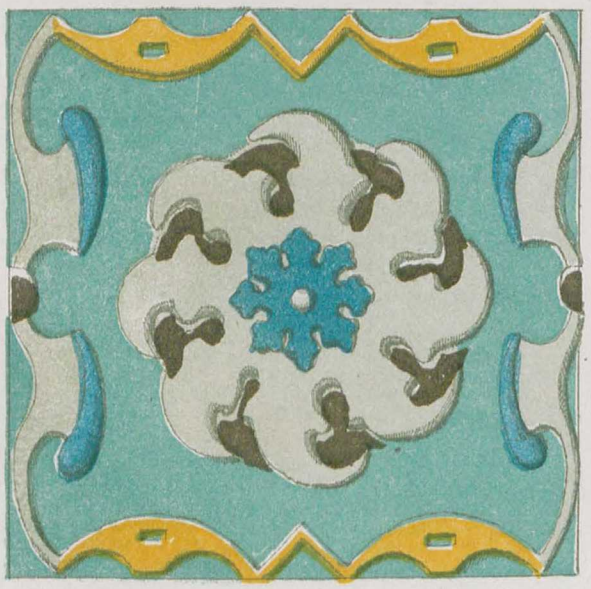


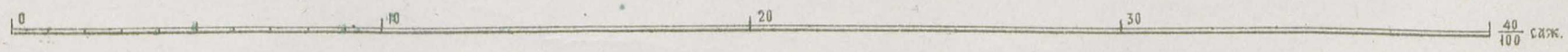
Изразцы папертн церкви Тихвинской Божїей Матери въ г. Ярославлѣ.

(Изъ альбома Л. Далж).

Лит. А. Проходова

BIBLIOTECA
MUSEUL NATIONAL AL
ANDALEMIEI





Изразцы паперти церкви Тихвинской Божїей Матери въ г. Ярославлѣ.

Лит. А. Прохорова.

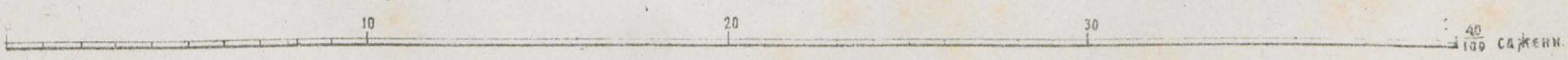
БИБЛИОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ

Изразецъ паперти церкви Тихвинской Божіей Матери въ г. Ярославлѣ.

Изразцы съ Нижегородской Сергіевской церкви,
находящіеся въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ.

Лит. А. Прохорова.

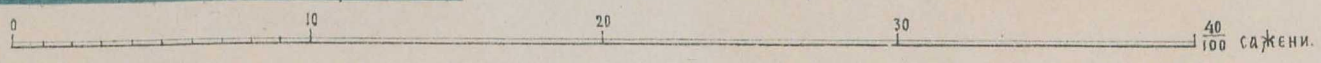
БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИИ



Изразцы съ Нижегородской Сергіевской церкви,
находящіеся въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.
(изъ альбома Л. Далм).

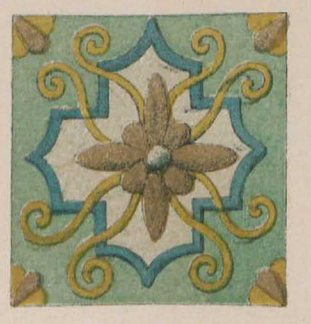
Лит. А. Прохорова.

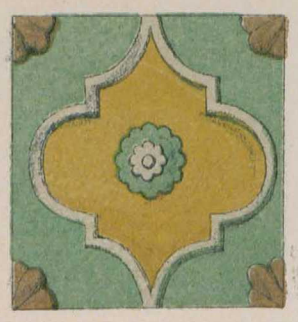
SPEMOPTERA



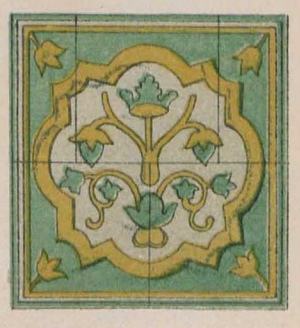
Карнизъ печи въ церкви Усп. Пресв. Богород. въ Макарьевскомъ монастырѣ Нижегородск. губерн.

Карнизъ печи изъ дома Сапожникова въ Гороховцѣ Нижегор. губ.





Изразцы въ церкви Св. Троицы въ Зубовѣ въ Москвѣ.



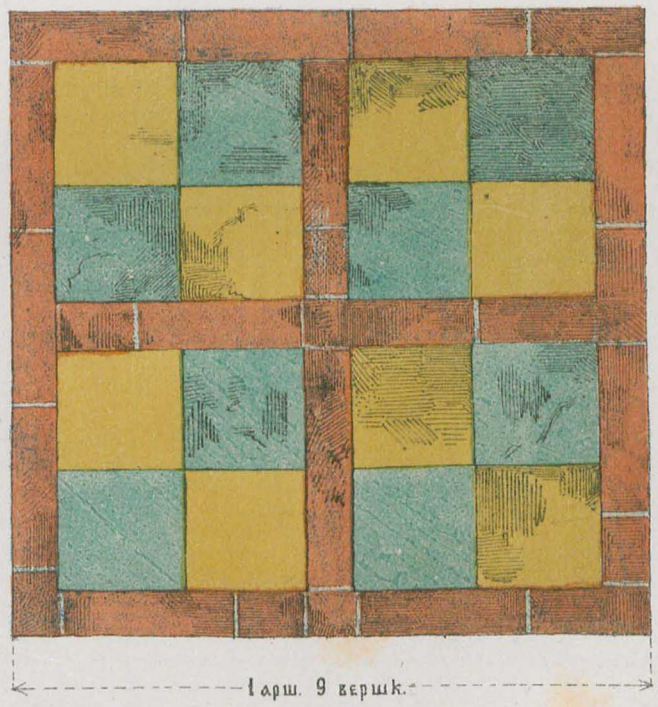
Изразцы Спасской церкви въ г. Бѣлозерскѣ. (изъ альбома Л. Даля).

Лит. Я. Прохорова.

(Изъ альбома Л. Далж).

Изразцы церкви Грузинск. Бож. М. въ Москвѣ.

Изразецъ дома Сапожникова въ Городовцѣ (Влад. губ.)



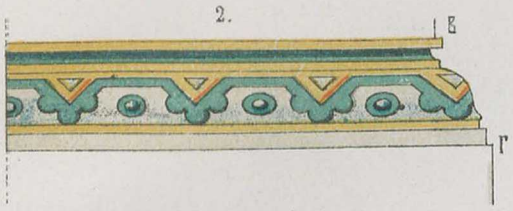
Изразцовый полъ въ Успенской церкви Зилантьева Монастыржь, въ Казани.

Изразцы Успенской церкви, въ Гончарахъ, въ Москвѣ.

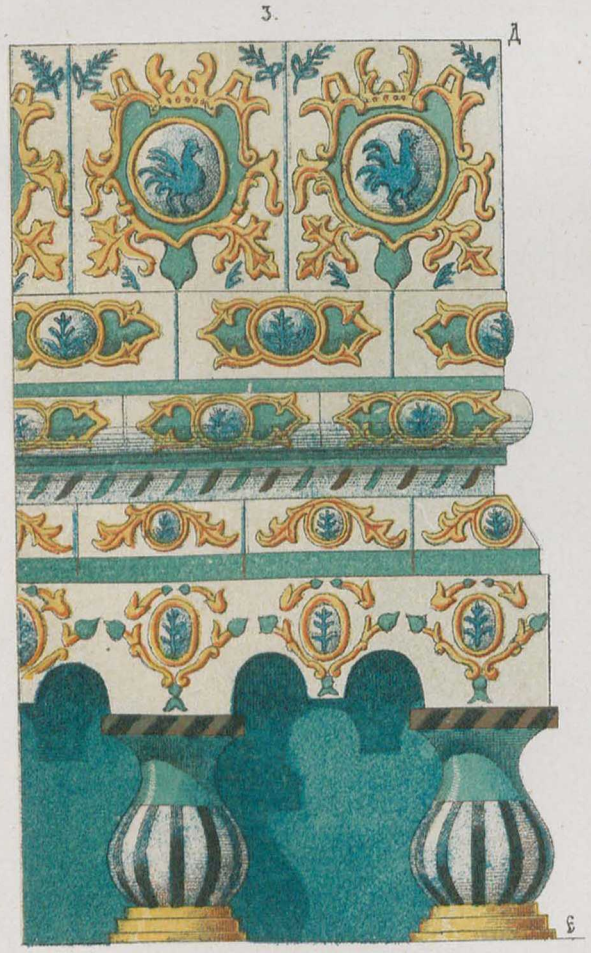
Библиотека МИД

1.

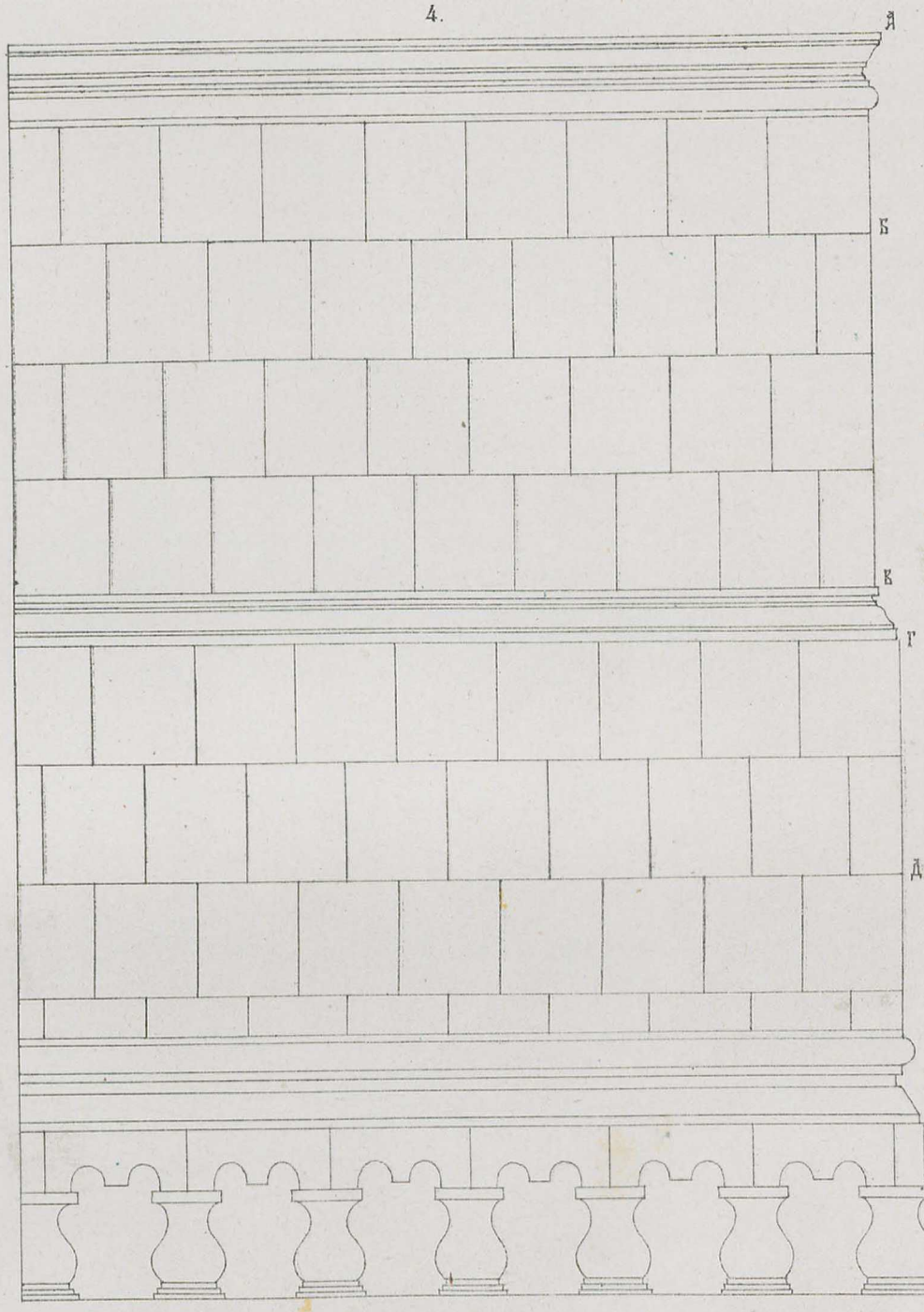
2.



3.



4.



(Къ фиг. 1, 2 и 3.) 0 10 20/100 сажень.

(Къ фиг. 4) 0 1 2 аршина.

Печь дома Шумиловой въ Гороховцѣ, Влад. губ.

(изъ альбома Л. Даля.)

Лит. А. Прохорова.

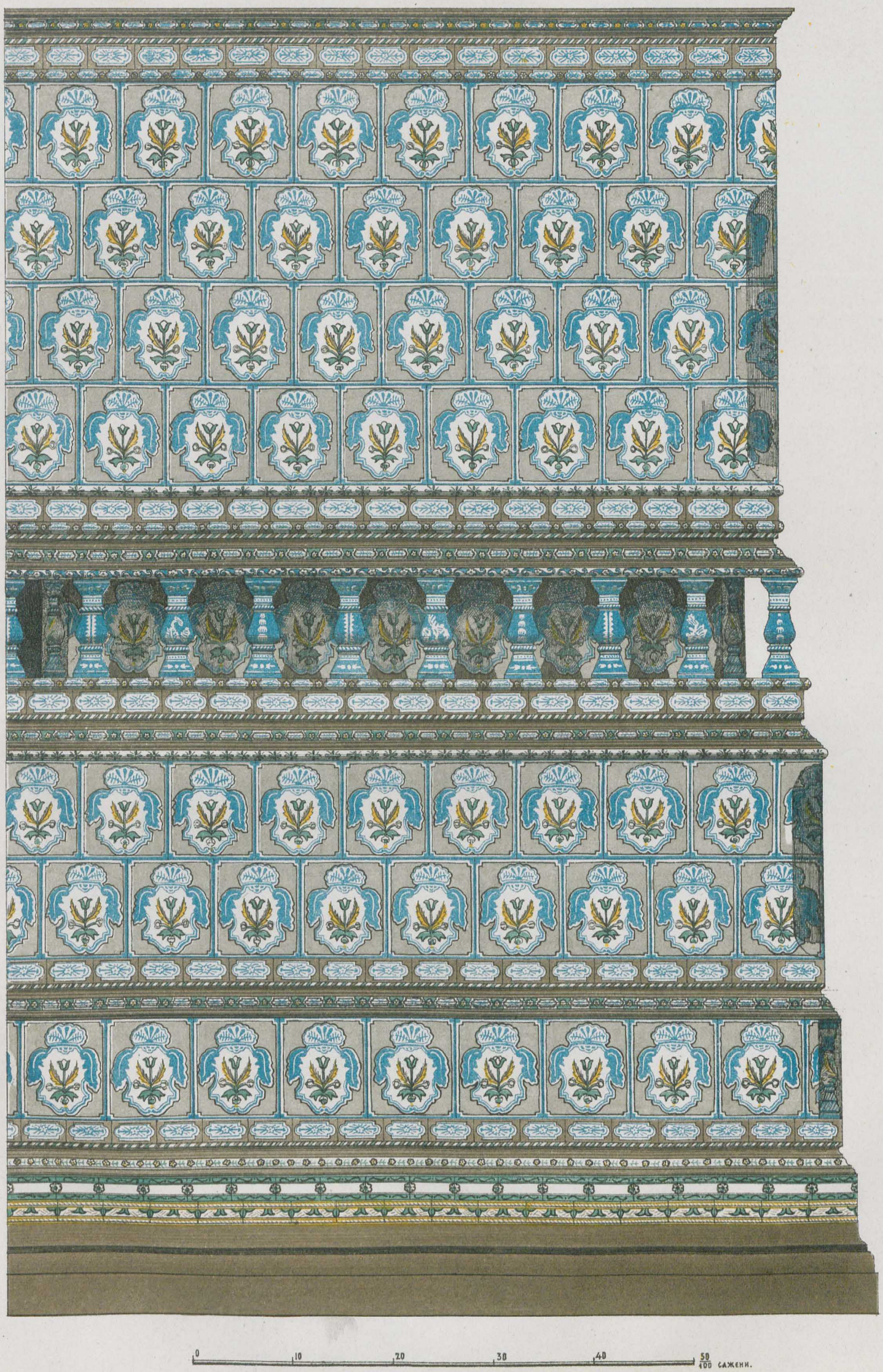
БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ

Карнизъ паперти церкви Святителя Николая Чудотворца, въ Ярославлѣ.

(Изъ альбома Л. Даля).

Лит. А. Прохорова.

БИБЛИОТЕКА
ЛЕНИНГРАДСКОЙ
АКАДЕМИИ

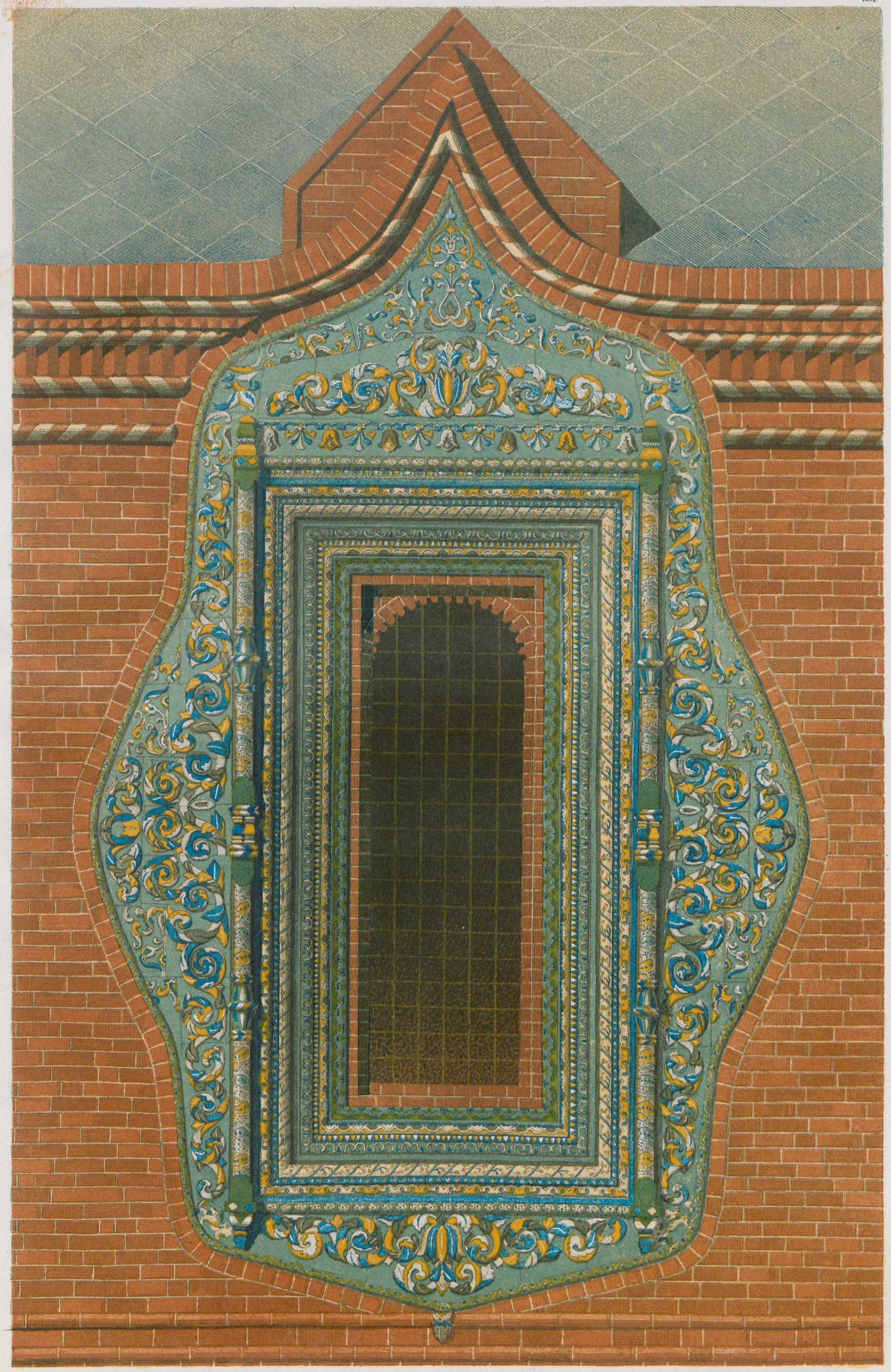


Печь дома Сапожникова, въ Гороховцѣ (Владимірск. губерн).

Изъ альбома Л. Далм.

Лит. А. Прохорова.

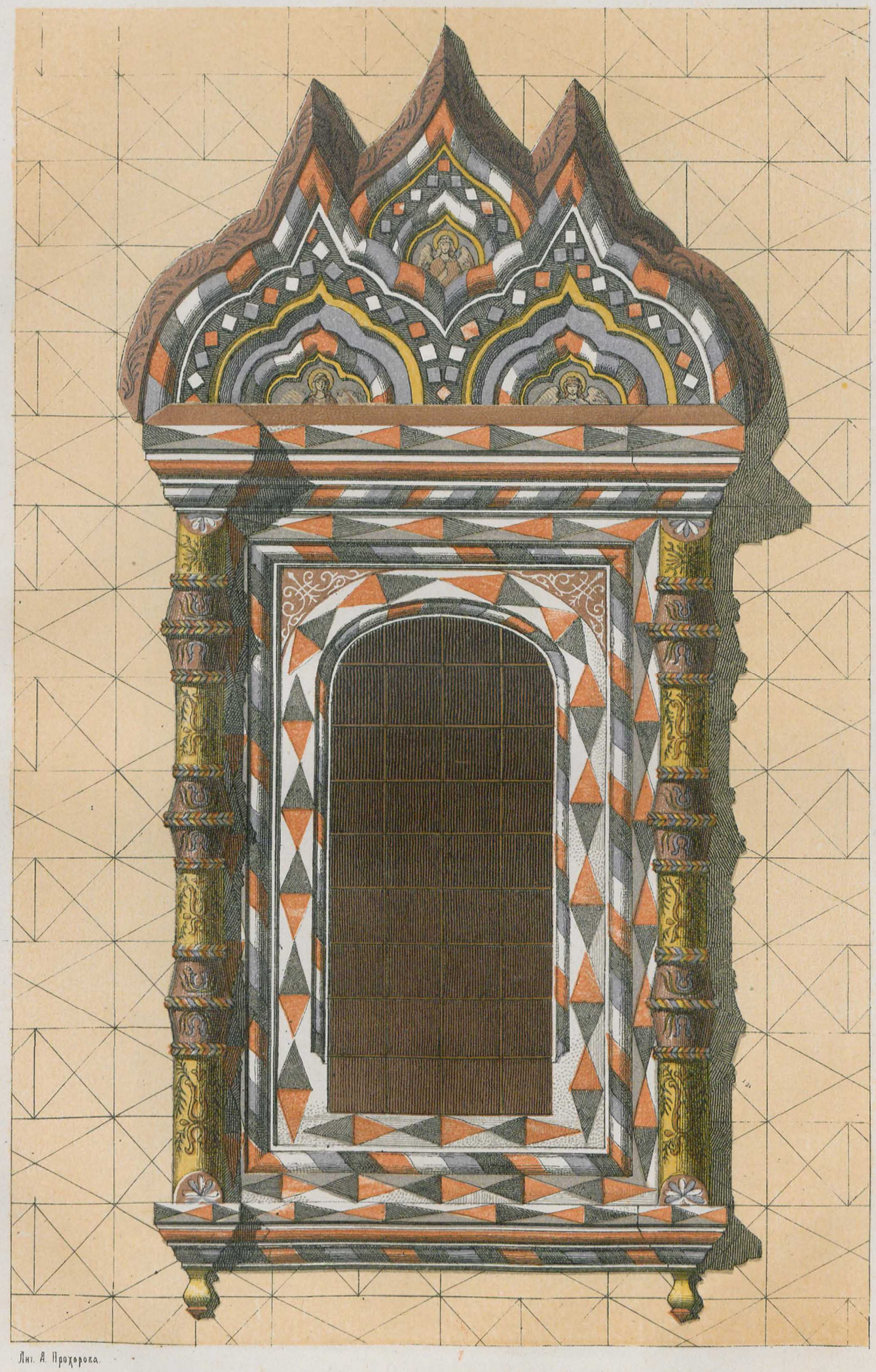
БИБЛІОТЕКА
КОСТРОМСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.



Лит. А. Прохорова.

Ярославль. Алтарное окно церкви Іоанна Златоуста, что въ Коровникахъ. (изъ альбома Л. Далѣ)

БИБЛИОТЕКА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

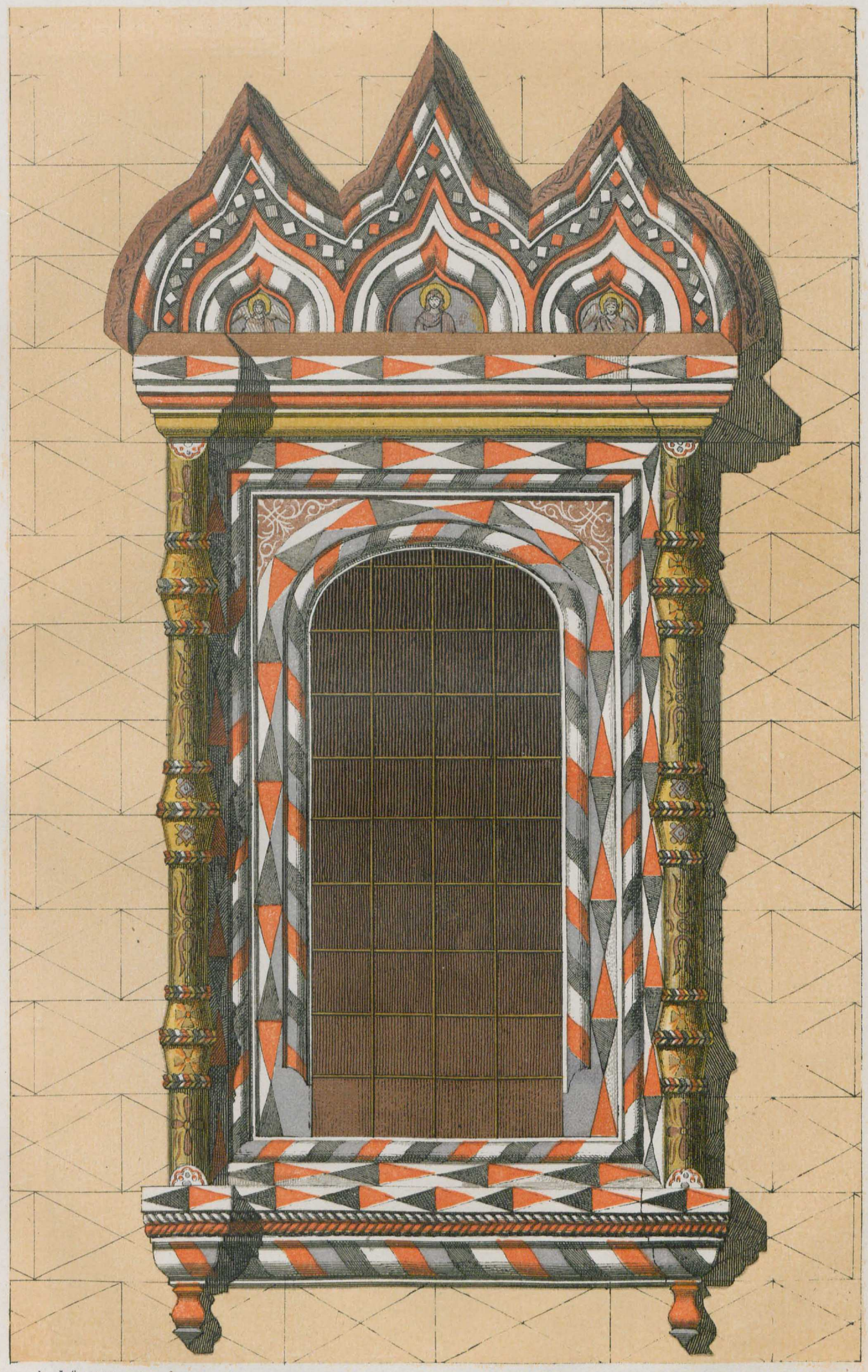


Лит. А. Прохорова.

Ярославль. Окно южн. придѣла ц. Іоанна Предтечи, что въ Толчковѣ.

(Изъ альбома Л. Далм.)

ΒΙΒΛΙΟΘΗΚΗ
ΑΚΑΔΗΜΙΑΣ ΑΘΗΝΩΝ

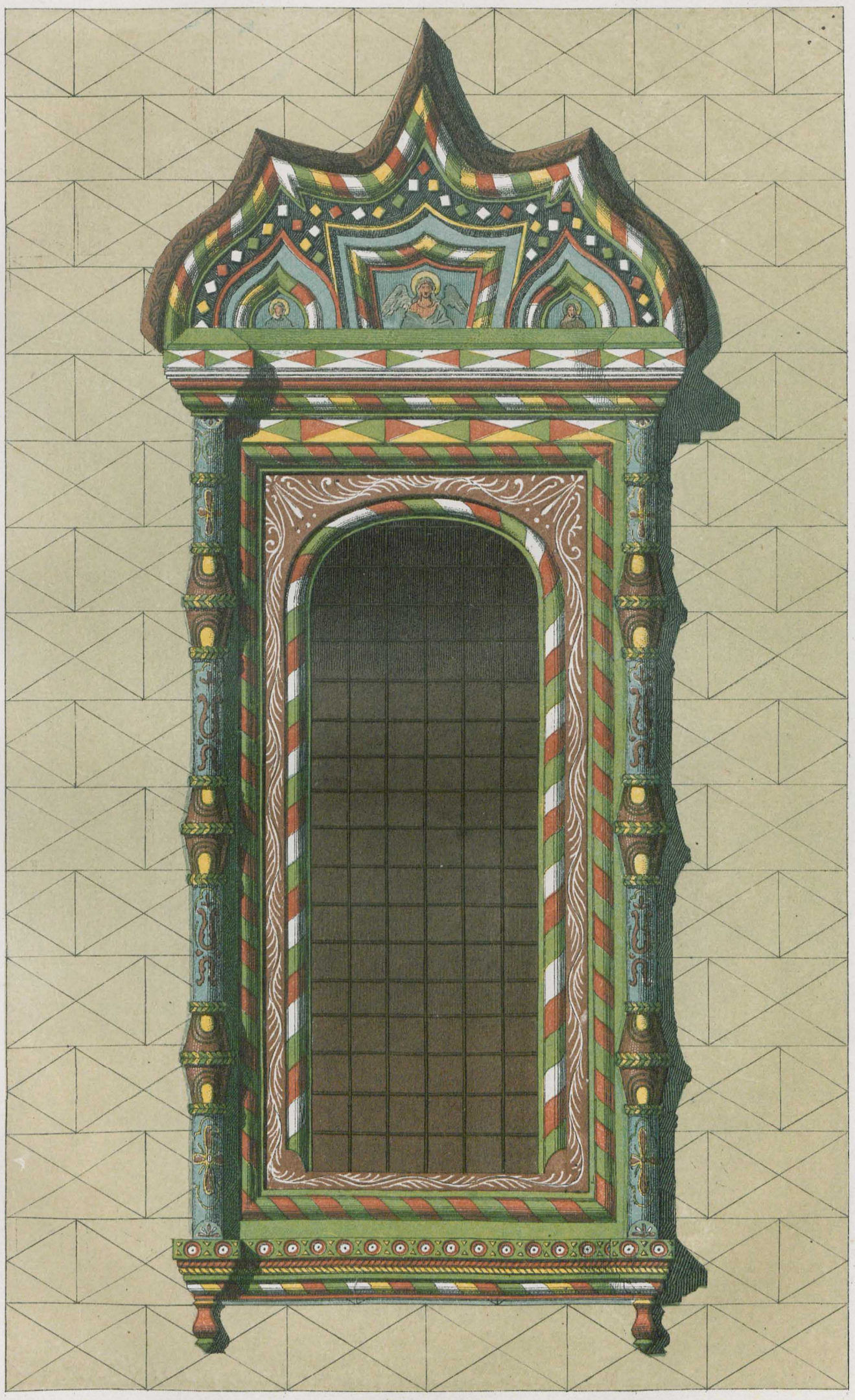


Лит. А. Прохорова.

Ярославль. Окно ризницы ц. Іоанна Предтечи, что въ Толчковѣ.

(Изъ альбома А. Далмъ).

ЛЕКАРСТВЕННАЯ
ЛАБОРАТОРИЯ
АКАДЕМІИ



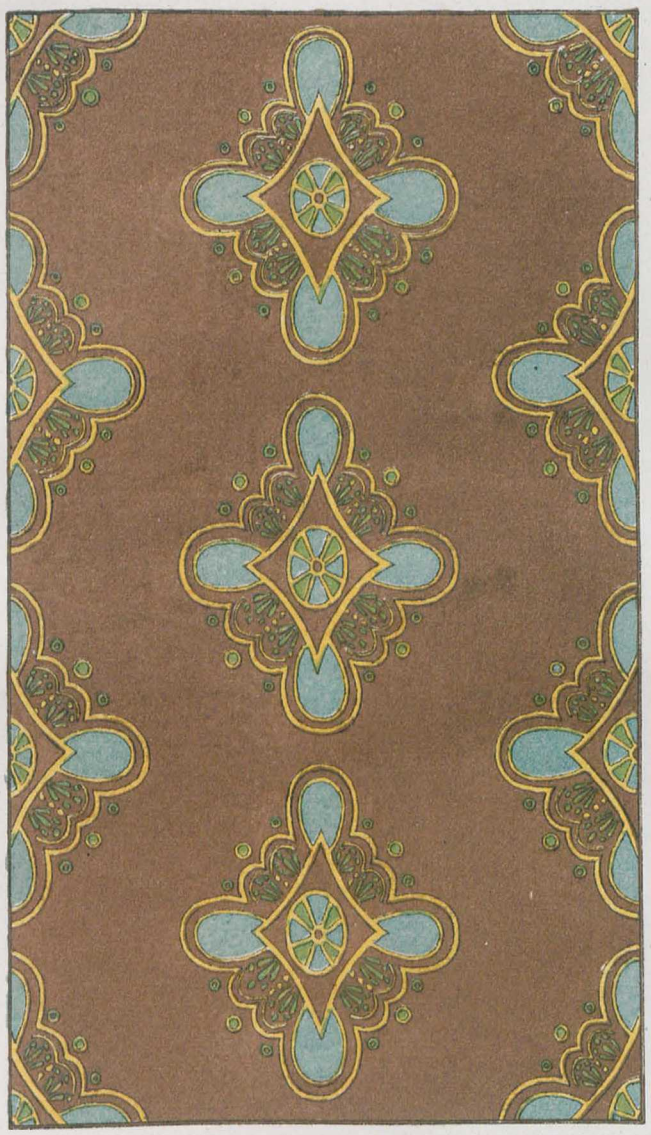
Ярославль.
Окно главнаго придѣла церкви Іоанна Предтечи,
что въ Толчковѣ.

Лит. А. Прохорова.

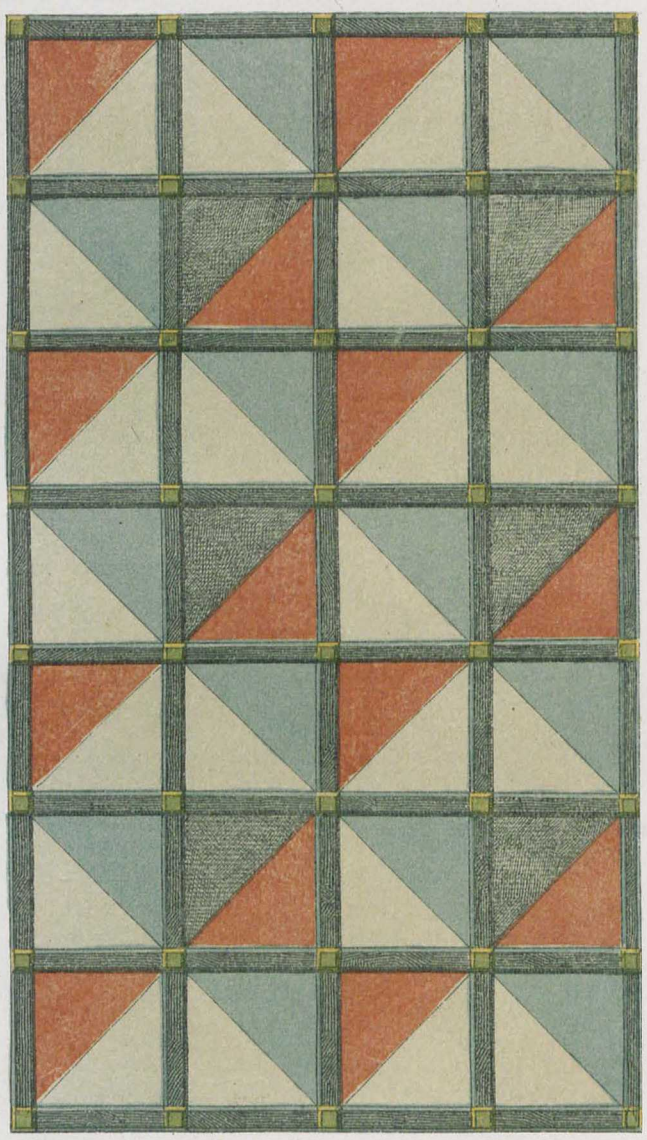
BIBLIOTHECA
ACADEMIAE
ALMAE

Ярославль.

Ставни оконъ ц. Іоанна Предтечи, что въ Толчковѣ.



Ставня окна
южнаго придѣла.



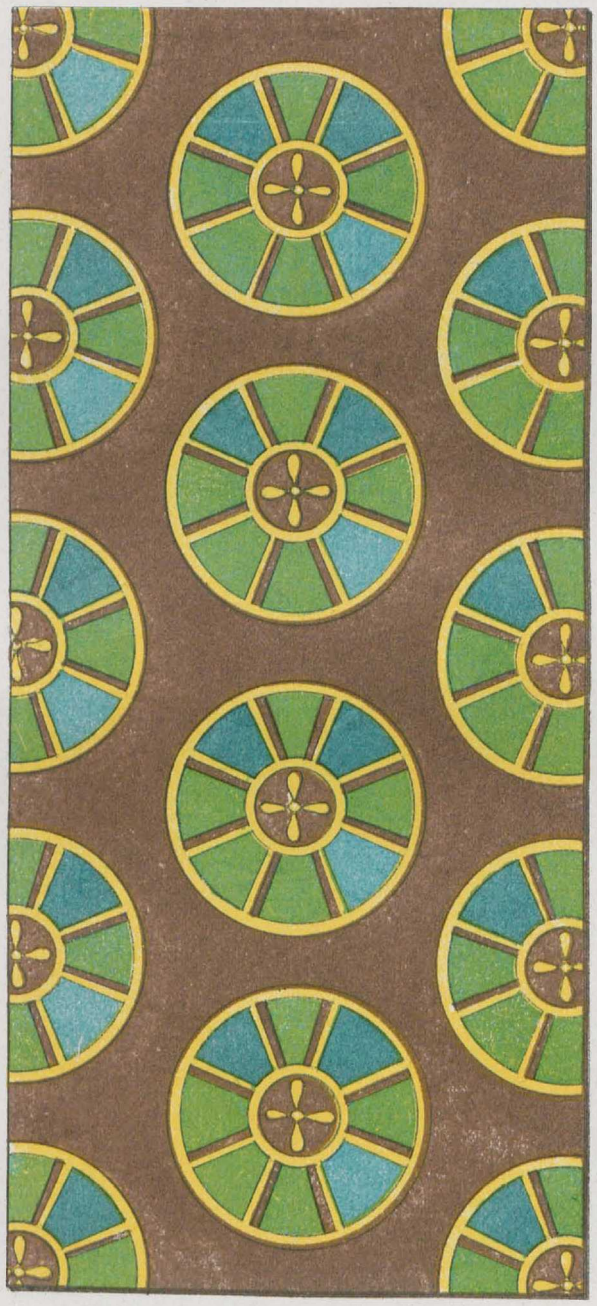
Наружный видъ ставень,
(когда они закрыты)

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИИ

Ярославль.

Ставни оконъ церкви Іоанна Предтечи,

что въ Толчковѣ.



Ставня окна главнаго придѣла.

(Изъ альбома А. Далѣ)

Лит. А. Прохорова.

БИБЛИОТЕКА
ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ
АКАДЕМІИ

Ярославль.

Ставни оконъ церкви Іоанна Предтечи,

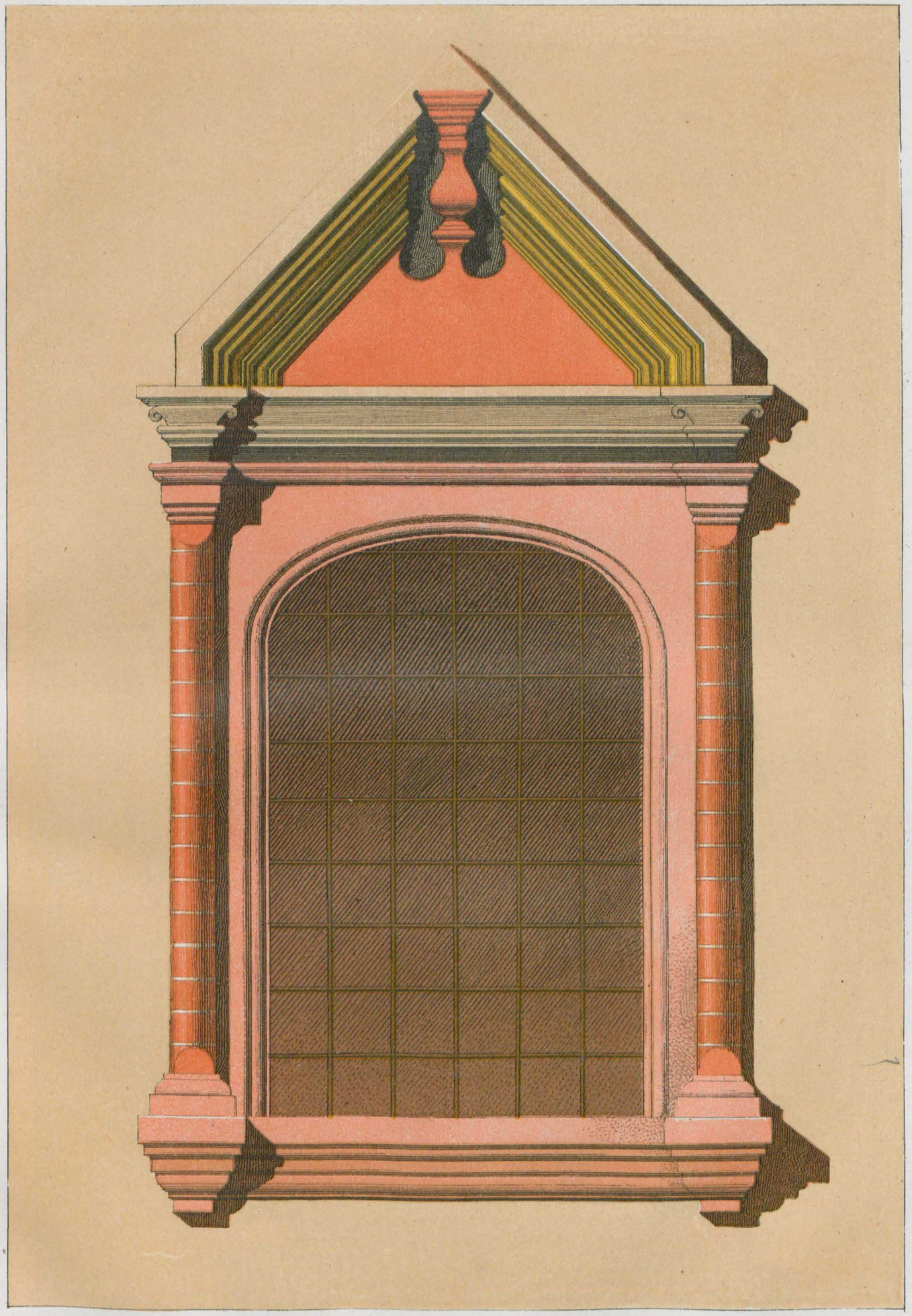
что въ Толчковѣ.

Ставня окна ризницы.

(Изъ Альбома А. Далм.)

Лит. А. Прохорова.

БИБЛИОТЕКА
ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ
АКАДЕМІИ



РОСТОВЪ.

Окно церкви Богоматери Одигитріи, въ Кремлѣ.

(Изъ альбома Л. Далм.)

Лит. А. Прохорова.

Лит. А. Прохорова.

Москва. Окно ц. Св. Николая Чудотворца, что въ Хамовникахъ.

(изъ альбома Л. Далѣ.)

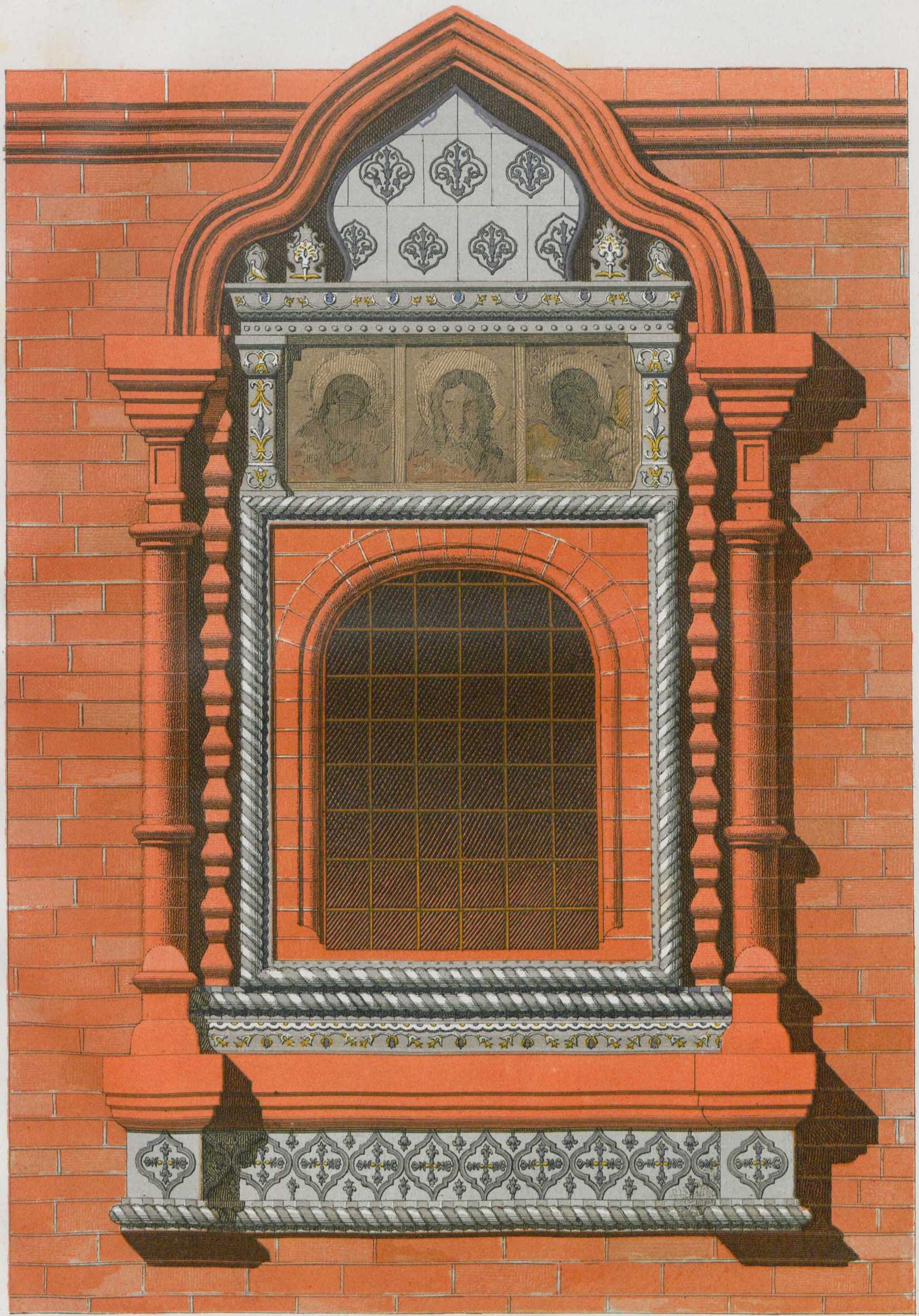
BIBLIOTECA GENERALITAT VALENCIANA

Лит. А. Прохорова.

Москва. Окно ц. Св. Николая Чудотворца, что въ Хамовникахъ; изъ альбома Л. Далм.

BIBLIOTECA ACADEMIA

Изъ альбома Л. Далм.



Лит. А. Прохорова.

Балахна (нижегор. губ.).

Изразчатое окно церкви Бориса и Глѣба.

BIBLIOTEKA
UNIWERSYTECKA
W KRAKOWIE

Двери изъ главнаго придѣла въ сѣверный въ церкви Грузинскiѧ Божiѧ Матери въ Москвѣ.

Лит. А. Прокопова.

БИБЛИОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

Двери изъ главнаго придѣла въ южный, въ церкви Грузинскiя Божiя Матери, въ Москвѣ.

(изъ Альбома Л. Дала)

Лит. А. Прохорова.

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

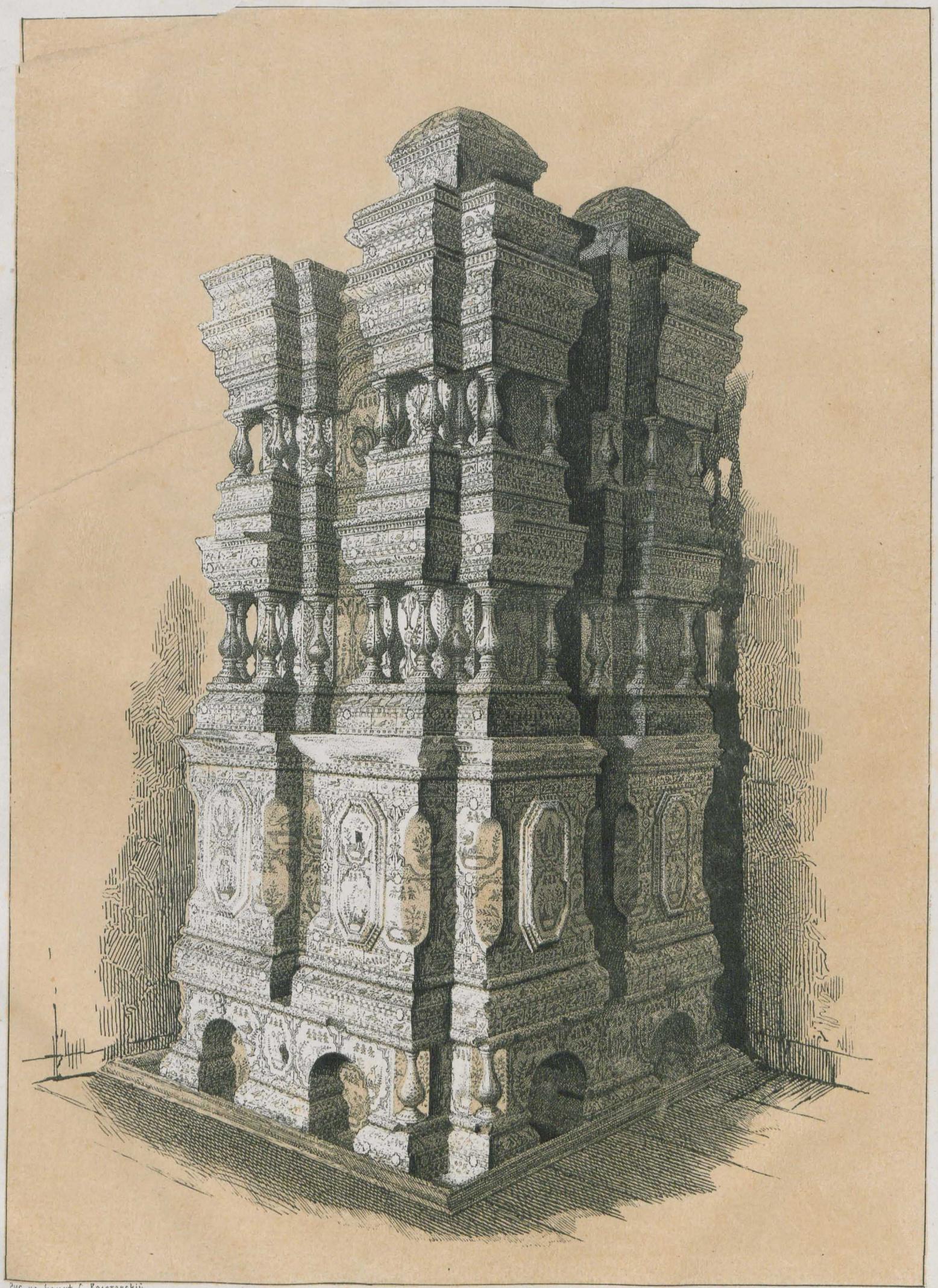


Рис на камнѣ С. Волотовскій

Лит. А. Прохорова.

Печь въ бывшемъ Архіерейскомъ домѣ въ Суздалѣ.

(Владимірской губерніи).

БИБЛІОТЕКА
ВСЕУКРАЇНСЬКОЇ
АКАДЕМІЇ

28

Инв. 13.

ЦѢНА 15 РУБЛ.

Адресъ редакціи изданія:

С. П. Б. Вас. Остр., въ ИМПЕР. Академіи Художествъ,

кв. № 15.

2007335736